

НИНА СТИББЕ

ЧЕЛОВЕК У РУЛЯ

КНИГА,
ПОЛНАЯ
РАДОСТИ,
ЮМОРА
И ОБАЯНИЯ
THE OBSERVER

Нина Стиббе

Человек у руля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57460624

Человек у руля: Фантом Пресс; Москва; 2020

ISBN 978-5-86471-845-2

Аннотация

После развода родителей Лиззи, ее старшая сестра, младший брат и лабрадор Дебби вынуждены были перебраться из роскошного лондонского особняка в кривенький деревенский домик. Вокруг луга, просторы и красота, вот только соседи мрачно косятся, еду никто не готовит, стиральная машина взбунтовалась, а мама без продыху пишет пьесы. Лиззи и ее сестра, обеспокоенные, что рано или поздно их определят в детский дом, а маму оставят наедине с ее пьесами, решают взять заботу о будущем на себя. И прежде всего нужно определиться с «человеком у руля», а попросту с мужчиной в доме. В начале 1970-х мать-одиночку, пусть и из аристократического рода, в грош не ставят, и пока в доме не заведется «человек у руля», жизнь не наладится. Так начинается грандиозная кампания по отбору подходящих кандидатов. Остроумный, безудержно смешной роман, который напоминает сразу и «Дневники Адриана Моула» Сью Таунсенд, и «Дживза и Вустера» П. Г. Вудхауза. *Содержит нецензурную брань.*

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	18
3	35
4	45
5	68
6	76
7	91
8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Нина Стиббе

Человек у руля

Посвящается Э. Дж. Эллисон

Man At The Helm by Nina Stibbe

Copyright © Nina Stibbe 2014

© Наталья Рашковская, перевод, 2019

© Фантом Пресс», издание, 2020

Часть первая

Пьяная и опасная

1

Моя сестра, и я, и наш младший брат родились (именно в такой последовательности) в весьма обеспеченной семье, и, если не брать во внимание последнее нечетное прибавление, жизнь наша текла своим чередом, размеренно и скучно, до того вечера в 1970 году, когда мама, выслушав, что папа говорил ей по телефону, высморкалась в кухонное полотенце, – а это значило, что ситуация сложилась действительно чрезвычайная.

На следующее утро она сняла сковороду с яичницей с зажженной плиты и швырнула в папу, который, сидя за столом, читал газету. Уверенный, что сковорода горячая, он взвизгнул, как девчонка, и свалился со стула. Сковорода не была горячей (а мама не была сумасшедшей). Некоторое время папа продолжал лежать на полу, пока мы все не отвернулись приличия ради. Потом он встал и пошел за кофе. Но не успел он взять кофейник, как мама на него набросилась, они поскользнулись на обрывках мокрой «Дейли телеграф», упали и начали кататься по полу. Вначале было не страшно, похоже

на драку на детской площадке, но потом папа сжал мамину шею своими большими белыми руками, а у мамы с ноги соскочила туфля – ну точно как в рассказе с убийством или в сказке. Я очень хотела, чтобы она сбросила папу, как дзюдоистка, и наступила ему на горло оставшейся туфлей, но вмешалась миссис Лант и разжала папе пальцы.

А тут как раз наступило 8:30, и папин шофер (Кеннет – он жил в домике рядом с нашим особняком) загудел и увез папу в офис на «даймлере». Папа уехал в ярости, весь растрепанный, в мокрой рубашке. Мама пригладила платье руками и налила себе скотч с имбирным элем. Она не подошла к столу, накрытому к завтраку, она не улыбалась, и не плакала, и не смотрела на нас, а просто стояла у буфета в одной туфле, погружившись в свои мысли.

Позавтракали мы печеньем – все остальное погребло во время беспорядков (по словам миссис Лант). В те времена люди не забивали кладовку продуктами. Продукты покупали каждый день. Миссис Лант покупала.

Как я уже сказала, мама стояла, опершись на буфет, и думала, и когда она прикончила свой напиток, ей явно пришла в голову какая-то мысль и она тотчас же бросилась в прихожую. Она набирала номер, а мы, взбудораженные случившимся, внимательно прислушивались: интересно, с кем это она вдруг решила поговорить? Миссис Лант не пыталась отвлечь нас болтовней, а замерла у двери, тоже прислушиваясь. Она даже приложила палец к губам.

Я подумала, что мама, наверное, звонит в полицию или этому мужчине по имени Фил. Но на самом деле она просто отменила доставку угля.

– Ну тогда договорились, – сказала она подрагивающим, но решительным голосом. – Я заплачу в конце недели.

Еще одно разочарование для нас.

Родители любили, чтобы в камине всегда горел огонь, и не разжигали его только в самую жару. Папа предпочитал уголь, он смотрел на оранжевое пламя, пока его щеки не покрывались пятнами, а глаза не переставали моргать. Маме больше нравились дрова – нравилось, как огоньки пляшут вокруг распадающегося бревна, вот в таком духе. Уголь она не любила, не любила его влажную черноту, что мерцала в зияющей пасти ведерка. И она терпеть не могла золу от угля, зола повисала в воздухе черной пылью после того, как миссис Лант почистит очаг, в отличие от более послушной древесной золы. Все это мы знали, потому что мама написала стихотворение, в котором содержались все приведенные выше образы. Кроме того, она невзлюбила угольщика, когда увидела, как он писает на клумбу. Она бы не возражала, вот только он специально целился в календулу и прибил ее к земле.

Этот образ она в стихотворение не включила, но пожаловалась папе, который сказал: «Подумаешь, парню надо было пописать». А потом смеха ради втянул в обсуждение миссис Лант: «А вам приходилось видеть, как облегчается уголь-

щик, миссис Л.?» – спросил он. И миссис Лант охнула, как леди в ситкоме, и умчалась, что-то бормоча себе под нос.

Вот так вот. Угольщик больше не приходил, и мы перешли на дрова, которые молочник подвозил на своем дребезжащем открытом фургоне прямо к дому, кружа по дорожке, словно катался на карусели, при этом содержимое тележки едва не выпадало сбоку. А кроме того, он насвистывал сквозь зубы и обожал нашего лабрадора Дебби.

Миссис Лант сказала, что все это прекрасно, но дрова нужно складывать в поленницу и держать в сухости (но не пересушивать), а еще в них любит селиться всякая живность, которая может напугать до полусмерти. В то время как уголь для жизни непригоден, и все с ним просто и понятно. Мама напомнила ей о писающем угольщике и осталась на своих боевых позициях.

И я подумала, что переходом на дрова все и закончится. Но сестра так не думала. Она беспокоилась по поводу того, что папа все не возвращается, и время от времени донимала меня – проверяла, начала ли и я беспокоиться. Как будто рано или поздно мне полагалось непременно обеспокоиться. Очень она старалась заразить меня своей тревогой.

– Без него мама 100 % чокнется, – сказала сестра. – Давай молиться, чтобы он поскорее вернулся домой и чтобы они не разошлись.

– Они не разойдутся, – ответила я.

– А я готова поспорить, что разойдутся. Между ними нет

ничего общего, они как вода и камень, – сказала сестра.

Я с ней не согласилась. По-моему, они просто разные виды воды (или камня). По мне, так между ними было много общего. Внешне они похожи, оба обожают поджаренный хлеб, и походка у них одинаковая, с пятки на носок, оба любят Айрис Мердок, и оба одинаково покашливают – будто очень быстро произносят слово «камин». На самом деле можно перечислять и перечислять, но я ничего из этого не сказала сестре, потому что никакого особого вывода из этого списка вроде и не следовало.

Правда, я сказала: «Они оба любят сидеть у горящего камина». И тут мы снова вернулись к угольщику.

Мама постаралась сообщить о том, что они с папой расстались, как можно более безболезненно для нас.

– Я хочу, чтобы для вас это прошло как можно более безболезненно, – сказала она убаюкивающим голосом, – но мы с вашим отцом решили развестись, папа теперь живет в нашей квартире.

Но когда у сестры вырвалось: «О нет! Бедный папочка», мама взорвалась:

– Бедный папочка? Бедный папочка, блин, на седьмом небе от счастья!

И она зарыдала, комично всхлипывая, и я старалась не смотреть на сестру, чтобы не расхохотаться. В таких ситуациях меня вечно тянет на смех.

Я не могла понять, как сестра, которая так явно беспоко-

илаась за маму, ухитрилась выдать «бедный папочка». Честно, не могла понять.

Сестра немедленно написала папе на специальной бумаге для писем персикового цвета, умоляя его не расставаться с мамой, и вложила письмо в конверт того же цвета. Это было краткое и деловое послание, в котором имелась фраза: «Мы с Лиззи испытываем некоторое беспокойство по поводу будущего», папа не написал в ответ, но позвонил и обсудил с мамой ситуацию, а также предупредил, что шофер Кеннет заедет за его личными вещами. После чего мама велела нам не спускать глаз с Дебби: с шофера станется прихватить и нашу собаку.

Кеннет прибыл на следующий день и собрал вещи: набор щеток для волос, тостер и картину, на которой была изображена охотничья собака, осторожно держащая во рту мертвую птицу. Сестра заранее приготовила целую гору вещей для папы – в том числе подушку, которая явно ему нравилась, – но Кеннет не отклонялся от списка и захватил еще только одеяло, в которое завернул картину.

Все это время я держала Дебби на поводке и почувствовала облегчение, когда «даймлер» укатил прочь, не особачившись.

Вы, может быть, думаете, что мама была рада избавиться от папы и всех его ужасных щеток для волос. Не только потому, что он теперь был влюблен в Филадельфию с завода, но и потому, что и до этого он почти никогда не выходил из своего ка-

бинета, разве что поужинать, хотя он никогда не пил с нами чай и не обедал. А если все-таки показывался, то лишь раздражал всех. Например, мы сидим обедаем, погрузившись в спор по поводу современной любви к панировке, и тут появляется папа, причесанный волосок к волоску, и просит маму извлечь сигарету изо рта. А потом поворачивается к нам и говорит, что мы неправильно держим нож и вилку. И хотя мамино выражение лица подрывало его авторитет, я всегда чувствовала, что должна его слушаться. И мучилась, тыкая в еду вилок, которую держала в левой руке, хотя мне куда больше нравилось есть как скандинавы, сгребая еду вилок в правой руке. А папа, закончив с едой, говорил: «Ну, я пошел работать». И мы оставались одни и снова начинали сгребать еду и обсуждать панировку.

Часто после его ухода мама бормотала «идиот» или нечто подобное, а Крошка Джек защищал папу, кидался вслед за ним, а потом возвращался грустный, не зная, к какой стороне примкнуть.

После разрыва я сначала думала, что, в общем-то, рада избавиться от папы. Но на самом деле я по нему скучала: папины появления за ужином все-таки были лучше, чем ничего, и его сдержанное неодобрение неожиданно показалось мне довольно важным. И когда я услышала о его любовном романе – а мы услышали о нем, потому что мама написала короткую пьесу, вспоминая, как она сама узнала об этом романе, – мое мнение о папе изменилось. Это было волнующе.

ще и неожиданно. Вдруг оказалось, что наш отец из плоти и крови, а раньше он представлялся старой пыльной статуей, которую всюду таскают за собой и стараются на нее не наткаться.

Даже мою сестру, которая очень злилась из-за разрыва и очень беспокоилась насчет будущего, новость о папином романе привела в восторг.

– Я просто не могу себе представить папу, вот так, как он целуется и так далее с другим мужчиной, – сказала она, – это потрясающе.

И мы согласились. Так оно и было.

Может быть, поэтому мама так расстроилась. Может быть, как и мы, она теперь видела его в новом, романтическом свете. Посмотрим правде в глаза: она ведь подслушала в телефонной трубке настоящий любовный шепот. А теперь папа ушел.

Адель приложила телефонную трубку к уху.

Микрофон прикрыла ладонью.

РОДЕРИК (*тихо*). Я хочу тебя.

Адель молча корчит гримасу.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ПО ТЕЛЕФОНУ. Когда?

РОДЕРИК. Встретимся через полчаса в квартире.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Не забудь тостер.

– Тебе не будет одиноко, мама, – сказала я. – У тебя же осталась миссис Лант.

– Не нужна мне миссис Лант. Миссис Лант – мутант, –

внезапно произнесла она, обрадовавшись, что получилось в рифму.

– Ну в любом случае у тебя есть мы трое, – весело прочитала я, но она процитировала стихотворение «Одиночество в толпе», парадоксальное название которого иллюстрировалось образом пластиковой петрушки на тарелке голодного человека.

У сестры наконец получилось заставить меня волноваться – как это всегда получается у старших сестер – из-за одиночества мамы, ведь сестра неустанно твердила о возможных последствиях. Ей было одиннадцать, а мне девять, она лучше меня разбиралась в таких вещах, и я была вынуждена признать, что одиночество наверняка входит в десятку самых худших вещей, которые только можно себе представить, и может запросто привести к несчастью и написанию пьес, а уж этого точно нельзя допустить. Но все же я не так беспокоилась, как сестра, и уделяла переживаниям только часть своего времени, что сестра считала проявлением черствости.

В свою защиту я составила список множества других людей, на которых мама могла бы рассчитывать, чтобы избавиться от него (от одиночества). И список этот был длинным. Для начала я включила туда ее родственников – были у нее кое-какие братья (но не сестры, что было бы в миллион раз лучше, особенно в те дни). Ее мать я не посчитала, это была недобрая женщина, всегда готовая посыпать раны солью. Но у мамы имелись милые тетушки, а также кузены и кузины,

разбросанные по стране.

Мне пришлось признать, что отсутствие у мамы лучшей подруги (на самом деле у нее вообще не было подруг) ставило ее в невыгодное положение. Произошло это потому, что она училась в удаленном пансионе, а после вышла замуж в девятнадцать лет, не успев даже по-настоящему начать взрослую жизнь. Но в актив можно было записать целую коллекцию друзей семьи, которых мама знала всю свою жизнь, – хорошо воспитанных, напыщенных леди и джентльменов, которые устраивали коктейльные вечеринки и всякое прочее, прекрасно подходящее для того, чтобы развеяться и забыть об одиночестве.

В непосредственной близости от нас имелись и соседи. Пышногрудая миссис Вандербас и ее водитель, мистер Мейсон. К их большому старому дому вела та же дорога в форме буквы «D», что и к нашему дому, днем они спали, так что миссис Вандербас высовывалась из окна верхнего этажа и кричала: «У нас с мистером Мейсоном щас сиеста, так что заткнитесь», и мы специально ходили на цыпочках и вели себя как можно тише, пока она снова не показывалась в окне и не кричала: «Подъем, подъем», и это означало, что они проснулись.

Мы любили миссис Вандербас – из-за этого я специально пишу о ней лишние строки. Она частенько приносила нам домашние голландские кексы в красивых формах, которые каждый раз просила вернуть (формы). А когда миссис Ван-

дербас нашла в цветах ужика, она позвала нас и подняла его, чтобы показать нам, как настоящий специалист, хотя до этого только один раз видела ужа по телевизору, а через неделю у нее случилась запоздалая паническая атака, так что ей пришлось попросить доктора Хиллворда выписать ей успокоительное.

К числу других симпатичных нам соседей относились доктор Хиллворд и миссис Хиллворд (которую называли Маргаритой до широкого распространения маргарина, и ей хотелось бы, чтобы либо ее называли по-другому, либо маргарин не стал так популярен). Хиллворды были нами очарованы и приносили своего милого щенка Бимбо познакомиться с нашим милым щенком Дебби, когда они еще были щенками, да и после тоже приводили. И однажды они помогли нам устроить фейерверк, когда мама испугалась запускать ракеты, а папа застрял на заводе.

А еще была миссис Лант, которая, как бы мама ее ни называла, всегда приходила на помощь, хотя определенно не в роли няни (она терпеть не могла детей и говорила, что у нее от них кошмарики), и оказывала успокаивающее действие, а также делала замечательные тарталетки с вареньем, причем с вареньем разного цвета, которые мы называли цветным горошком. «Ничто так не поднимает настроение, как тарталетка с вареньем», – бывало, говорила миссис Лант, и хотя иных приятных слов она никогда не говорила, эти слова были приятны, и говорила она их часто.

Нянь как возможных помощниц в борьбе с одиночеством я в свой список не включила, ну разве что была одна очень милая няня по имени Джоан, но она к тому времени уже осталась в прошлом. Они подолгу не задерживались, да и все были немного не на нашей волне – в отличие от мутанта миссис Лант, которая провела с нами долгие годы и знала нас как облупленных. Поначалу мама всегда старалась подружиться с новой няней, вела себя непринужденно, но когда няня давала понять, что дружить с мамой не намерена, мама обдавала эту няню холодом, будто обиженная школьница. Такие представления смущали даже меня. Няни просто хотели, чтобы их оставили в покое и дали немного денег. Когда нас покинула третья няня, мама с трудом собралась с духом, чтобы позвонить в агентство и попросить прислать четвертую. Владелица агентства, тупая корова, имела склонность осуждать других и водила дружбу с бабушкой, но мама все-таки позвонила, и нам прислали Мойру с желтыми, как у волка, глазами, смотреть на нее было тяжело. Мама поняла, что с Мойрой не стоит даже пытаться подружиться. Во-первых, она выставила баночки с мазями в ванной комнате у всех на виду, а во-вторых, она рано ложилась спать, чтобы почитать в постели, и эти два обстоятельства бесконечно раздражали маму.

Не включив в список желтоглазую Мойру, я заметила взволнованной сестре, что тем не менее у нас под рукой имеется компания чудесных людей и я не понимаю, как мама

хоть на мгновение может почувствовать себя одинокой.

Сестра со мной не согласилась и процитировала то самое стихотворение («Одиночество в толпе»), из чего я сделала вывод, что она разговаривала с мамой на эту тему.

– Ладно, – сказала я, – знаю я о пластиковой петрушке, но в реальной жизни у мамы полно друзей, знакомых и так далее, которые все сплотятся вокруг нее и сделают все что могут.

– Нет, не сделают, так не бывает, – сказала сестра ужасно взрослым голосом, учитывая, что ей было всего одиннадцать лет. – Такое случается, только когда кто-нибудь умирает, и то ненадолго. Если женщину бросают, в особенности если с ней разводятся и она остается без человека у руля, то все родственники, друзья и знакомые бегут прочь.

– Правда? – спросила я.

– Да, пока не появится другой человек у руля, – сказала сестра.

– И что тогда? – спросила я.

– А когда найдется замена человеку у руля, женщину снова принимают в обществе.

А потом мы переехали в сельскую местность. Папа купил для нас дом в деревне в пятнадцати милях от города, чтобы мы могли расти на свежем воздухе без городской толпы. На расстоянии пятнадцати миль от наших соседей, их собак, печенья и добрых слов.

Когда мама сообщила нам эту новость, мы не сочли ее очень важной, как поначалу часто бывает с важными новостями. Мы ошибочно решили, что это хорошая новость или, в худшем случае, не повод для беспокойства, и на самом деле даже не осознали ее значения. К тому времени, когда нам пришлось это сделать (осознать ее значение), все уже завертелось, трое сильных мужчин из фирмы грузоперевозок Леонарда из Лестершира уже грузили нашу мебель – с помощью откидного трапа – на грузовик, который Крошка Джек называл «синим китом», а двое менее сильных мужчин паковали картины и зеркала в целые акры бумаги кремового цвета, помечая их красной ручкой, что означало «осторожно, хрупкое». Некоторые картины и люстра уехали на неделю раньше, а мы и не заметили. Пианино тоже увезли раньше, потому что ему еще нужно было прийти в себя после переезда, а мама хотела, чтобы оно ждало ее на новом месте уже готовенькое. Она любила играть всю обычную музыку, которую играли женщины вроде нее (Шопен, Бетховен и т. д.), а

также менее известного, но куда более приятного для слуха Клементи.

Вскоре мы оставили кирпичную пыль и выхлопные трубы города, а также всех наших знакомых. Мы больше никогда не встречались с миссис Вандербас. Сама она водить не умела, ее шоферу, мистеру Мейсону, ампутировали одну ногу, а двух – шоферов, не ног – она позволить себе не могла.

Мы уехали на мамином старом «мерседесе» по имени Глоксиния вслед за синим китом. А потом, сразу за нарядными дверями гаражей нашего симпатичного пригорода с тысячью гибких молодых деревьев, мотор заглох прямо на круговой развязке, кит уплыл вперед без нас и губа Крошки Джека задрожала. Опять бросили.

– Черт, – сказала мама, но Глоксиния завелась и даже как будто бы знала, куда ехать, и мы миновали заржавевшие гаражи менее симпатичного пригорода, а потом пошли склады и бараки, а еще дальше – сельская местность с домами подешевле и деревушки, где было много автобусных остановок. А потом, среди такой чудесной зелени, какую мы еще никогда не видели, мы снова нагнали кита, он продирался через заросли боярышника к нашему новому дому.

Сестра высунула голову из окна машины и сказала: «Понюхайте свежий воздух». Мы так и сделали. Воздух ничем не пах, но никто ей об этом не сказал.

Сестра прочитала табличку на въезде в деревню.
– Это наша деревня! – сказала она с восторгом.

А мама сказала:

– Ну охренеть.

Но мы не стали обращать внимание на ее настроение.

На табличке было написано: «Флэтстоун – дом баражков».

Позднее мы выяснили, что баражки – это жирные пирожки с бараниной, которые традиционно подают на День Флэтстоуна. В этот июньский день деревенские дети имели привычку прятать монетки и пирожки под плоскими камнями древних ворот – для солдат, которые возвращались домой с войн былых времен. Так деревня и получила свое название.

Когда мы въехали в деревню, грузовик Леонарда из Лестершира зацепил дерево, и одна низкая ветка обломилась, учинив большие разрушения. Мы не могли ехать дальше, пока с ней не разобрались, и тихая улочка вдруг заполнилась седыми, сердито зыркающими кудрявыми людьми в резиновых сапогах. Но на них мы тоже не обратили внимания, поскольку пребывали в полном восторге.

Несколько дней мы провели в мечтах, не представляя, сколько печали уготовила нам эта деревушка, – куда больше, чем все неприятные няни, отцы-гомосексуалы, нелюбящие бабушки, скрывшиеся родственники и несуществующие лучшие подруги вместе взятые. Деревенские жители будут тарашиться на нас в кооперативном магазине, они не захотят с нами дружить, и наша маленькая семья измотается вконец, силясь им понравиться. Но тогда мы этого не знали, и нас ждали несколько дней, полных открытий, и столько

свежего воздуха, сколько мы могли пожелать.

К нашему ужасу, мама, по своему обыкновению, сразу же принялась писать пьесу. Прежде чем она распаковала вещи, осмотрела дом, постучалась к соседям, чтобы поздороваться, и т. д. В пьесе под названием *The Vicus*¹ речь шла о ее недобрых предчувствиях по поводу текущего положения дел, а также затрагивались некоторые вечные темы. Так всегда бывало с ее пьесой (пьесами).

АДЕЛЬ. Я не уверена, что деревня – самое подходящее для нас место.

РОДЕРИК. Нонсенс, сельская местность весьма благоприятно влияет на детей.

АДЕЛЬ. Но я там отупею.

РОДЕРИК. Да, но детям лучше всего расти в деревне.

АДЕЛЬ. Я толком не знаю, как вести себя в деревне.

РОДЕРИК. Когда закончишь есть, положи нож и вилку так, чтобы они показывали пять часов.

АДЕЛЬ. А что, если я не закончила есть, а только решила покурить?

РОДЕРИК. Если ты еще не закончила есть, вилка должна показывать восемь часов, а нож – четыре.

В конце концов поехали только мы вчетвером, без миссис Лант, потому что Мойра, желтоглазая няня, в последний момент решила, что хочет остаться в городе и не дышать свежим воздухом.

¹ Деревня (лат.).

– Почему Мойра не поехала? – спросила я очень тихо, чтобы брат не услышал.

– Она не хочет жить в деревне, – ответила мама.

– А почему? – спросила я.

– Очевидно, она не так глупа, как кажется, – ответила мама.

Втайне я была рада. Я составила целый список того, что мне не нравилось в Мойре. Она оттопыривала верхнюю губу, говорила «божечки» и постоянно талдычила о пользе кальция. Кроме того, мне всегда казалось, что без няни в нашей жизни будет больше приключений (и меньше молока), а мне этого и хотелось. Я бы рассказала о Мойре более подробно, но никакой роли в сюжете она не играет, поэтому и хватит о ней.

Крошка Джек, мой брат, который любил Мойру и не любил перемены, особенно кардинальные перемены в самый последний момент, заметил ее отсутствие только на следующее утро. И тогда, находясь в сильнейшем волнении, он предсказал, что сейчас в нашу дверь постучится краб, который схватит нас и сожрет. Мы очень обеспокоились, услышав это, потому что его предсказания, так или иначе, почти всегда сбывались. Он был вроде героев фильмов, которые в истерике говорят то, что никто не хочет слышать. Но потом все происходит именно так, как они сказали.

Только мы расшифровали сбивчивую речь Крошки Джека – в расстроенных чувствах он начинал заикаться, – как

раздался громкий звонок. Мы замерли и переглянулись.

– Это к-краб, – сказал Крошка Джек со всей серьезностью.

Но это был не краб. В дверь звонил мистер Ломакс, кандидат от Либеральной партии. Также мистер Ломакс оказался строителем, который, по заданию продавца дома, пришел кое-что доделать.

– А мы думали, что это краб звонит, – сказала сестра мистеру Ломаксу, чтобы объяснить, почему мы не сразу открыли ему дверь и смотрим на него с таким испугом.

– Нет-нет, я человек, – ответил мистер Ломакс, и этим мне понравился, а сестра предложила ему чаю.

Он сказал, что предпочитает горячую воду, и перестал мне нравиться. Я думаю, что надо либо брать что дают, либо отвечать «нет, спасибо», иначе вы проявляете излишнюю требовательность. В любом случае мистер Ломакс доделывал свою работу при включенном радио и дважды уходил в туалет, один раз минут на двадцать.

Как только мистер Ломакс все доделал и ушел, мы принялись расставлять мамины книги в шкафу в ее гостиной. Она сказала нам поставить их в алфавитном порядке, как в библиотеке. Вроде как приятное занятие. Но на самом деле нет: трудно расставлять книги в алфавитном порядке, если вы даже не знаете алфавита, а сестра его, похоже, не знала и все время задавала вопросы о порядке букв, а потом оказалось, что Крошка Джек, который, как большинство зайк, алфавит знал назубок, расставлял их по имени автора. Это

обнаружилось, когда я заметила, что Арнольд Беннет и Арнольд Уэскер стоят рядом, потому что их обоих звали Арнольдами, и это было особенно некстати, поскольку пьесы велено было составить в отдельный шкаф.

Мы как раз стояли на прочной библиотечной стремянке, прилагавшейся к книжному шкафу, когда в дверь снова позвонили, на сей раз это была миссис Лонглейди, сельская жительница. Бежевые волосы миссис Лонглейди были завиты в плотные кудряшки, и между ними просвечивала кожа. Она четко не пояснила, кто она такая и зачем пришла, только упомянула, что, по сути, управляет всеми делами в этой деревне и хотела сказать нам «Добро пожаловать во Флэтстоун».

Мама вышла в прихожую. Ей очень шла косынка, которую она завязала сзади. Выглядела мама так, будто вовсю распаковывала вещи, хотя на самом деле писала пьесу. Миссис Лонглейди сказала «Добро пожаловать во Флэтстоун», и они пожали друг другу руки. Миссис Лонглейди с любопытством всматривалась в суету вокруг книжного шкафа.

– Ах, книги, – сказала она. – Господи боже мой, неужели вы их все прочитали, миссис Вогел?

Маме очень не нравились люди, которые говорили «господи боже мой», она полагала, что одного «господи» или одного «боже мой» достаточно, и задавали бессмысленные вопросы, так что она ответила:

– Некоторые.

Миссис Лонглейди сообщила, что живет с другой стороны от булочной, и посоветовала обращаться к ней, если нам понадобятся услуги бухгалтера, потому что ее муж ведет счета всей деревни, а также большой знаток плодовых деревьев, леса и пчел. По этим вопросам она тоже рекомендовала обращаться к нему. А еще она пригласила нас зайти на «непродолжительный чай под наблюдением взрослых» к ее дочерям-близняшкам в неопределенное ближайшее время.

Наш новый дом был очень милый. Три крошечных домика, перестроенных в очаровательный коттедж, как было написано в описании дома, с интересной винтовой лестницей из дерева редких пород, фотографии которой были напечатаны в журнале. Не то чтобы интересная лестница представляла для нас какой-то интерес, зато нам по-настоящему понравилась конюшня, где двери состояли из двух половинок, совсем как на нашей игрушечной ферме, а внутри были замечательные угловые кормушки. Нам понравилось, что прямо посреди выгула растут высоченные груши. Нам понравилась булочная «Рингроуз» за нашей оградой, оттуда так вкусно пахло хлебом.

Больше всего мне понравился вид на поля, простирившиеся на целые мили сразу за выгулом. И площадка из фанеры, которую кто-то из предыдущих жильцов соорудил на одной из груш. Отсюда меж лоскутных одеял полей можно было разглядеть холмы, где жили феодалы, и серую приземистую саксонскую церковь (впоследствии каждый из нас посетит ее

вместе со школьной экскурсией минимум три раза), и древние деревья, ряды которых показывали, где находились старые дороги.

Птицы щебетали в изгородях и на деревьях от рассвета до заката, за домом мычали коровы, иногда они выстраивались в очередь на водопой у грязной канавы, и мы заглядывали в их добрые глаза.

С точки зрения приключений новый дом был куда лучше старого, где только взрослым было чем поживиться (например, они восхищались виноградом в старой стеклянной теплице), а детям предлагались всего лишь паршивая песочница да глубокий темный подвал.

Хотя новый дом оказался милым, а от видов на поля захватывало дух, мы вскоре заметили, что в деревне нас не любят. Заметить было нетрудно. На нас смотрели, но никто нам не улыбался, никто не гладил Дебби, нашу добрейшую лабрадоршу. А мы отводили глаза, и, наверное, казалось, будто нам есть что скрывать, но, с другой стороны, если бы мы пялились, нас точно сочли бы чокнутыми. Я не сомневалась, что со временем жители деревни проникнутся к нам теплыми чувствами, но сестра сказала, что они не станут этого делать, не станут любить нас или гладить Дебби, пока, как она выразилась, в доме не появится человек у руля, то есть пока мама снова не выйдет замуж.

И в самом деле, шли месяцы, но вожатая скаутов, которая выглядела разумной женщиной, так и не позвонила, чтобы

сообщить, что мы зачислены в младший и старший отряды, хотя мама беседовала с ней на этот счет. И, если не считать гипотетического чаепития у миссис Лонглейди, нас никогда никуда не приглашали.

Нас не позвали поучаствовать в параде по случаю Дня Флэтстоуна, и мы так и не увидели баражков, не говоря о том, чтобы их попробовать. Никто не хотел с нами играть – матери не хотели, чтобы их дети с нами играли. Постепенно я поняла – по совокупности обрывочных данных – что проблема заключалась, как и предупреждала сестра, в том, что мама была разведенкой. А потому ей – а значит, и нам – нельзя доверять. Даже миссис Лонглейди, заглянувшая к нам на второй день после приезда, интересовавшаяся мамиными книгами и сообщившая, что ее муж – бухгалтер, подозрительно поглядывала на нас из окна своего «хиллмана». А Миранда, одна из ее близняшек, заявила, что в одном из трех домиков, из которых устроили наш коттедж, раньше жила старушка, которую силком выселили, и теперь она обитает в жалкой лачуге, где на лестнице растут грибы. Сестра сказала, что она говорит чушь, потому что откуда в лачуге лестница.

И, подкрепляя общую убежденность в том, что у нас в семье нет мужчины и потому доверять нам нельзя, папа вскоре совсем забыл о нас и о своем любовном романе с заводским Филом и женился на красивой женщине из Лондона с идеально симметричным лицом и пушистыми волосами, а нас на свадьбу не пригласили и даже не сообщили о ней. Их фо-

тографию опубликовали в «Геральд», и у сестры, увидевшей ее, разболелся живот. И папа с красивой женщиной сразу же принялись рожать детей. С одной стороны, нам было интересно, но, с другой, нас будто замазывали краской погуще. Сестра говорила, что мы должны порадоваться за папу, к тому же в будущем у нас будет целый набор новых родственников, которых можно будет навестить на Рождество и Пасху. Так оно, конечно, и было.

А потом случилось самое худшее – миссис Лант прислала открытку, в которой сообщила, что больше не сможет на нас работать, обвинив в этом цены на бензин. Но она пожелала нам счастья в новом доме. Мама приняла новость стоически, но мы поняли, что удар был ужасный, потому что, прочитав открытку, она испустила едва слышный крик, полный грустного удивления, и мы дружно посмотрели на нее. Мама попыталась замаскировать огорчение, сказав:

– Ха! До этой Лант наконец-то дошло.

Я расстроилась, потому что очень хотела заварить миссис Лант чашечку чая. После переезда я научилась заваривать чай и все время представляла, как подаю ей ее любимую чашку, простую белую чашку с желтым ободком, до краев наполненную чаем, и говорю: «Чаю, миссис Лант?» – а она отвечает: «Кто бы мог подумать!»

И наконец, спустя время и в соответствии с прогнозом, мамыны родственники и в самом деле преспокойно позволили ей скатиться в одиночество и заброшенность. Справедли-

востии ради, они не были плохими людьми – напротив, вполне милыми, – просто они не хотели, чтобы на семейных встречах и коктейльных вечеринках она смущала их своим безмужьем. Кроме того, среди них распространился слух, будто она заделалась пьяницей – горем в семье. Мама именно так и поступила (заделалась пьяницей – горем в семье), но, что гораздо хуже, она завела привычку ковырять мыло ногтями, а также как заведенная писала пьесы.

И несчастная мама была, считай, одна-одинешенька, в возрасте тридцати одного года, с тремя детьми и лабрадором, в окружении враждебно настроенных сельских жителей. Неудивительно, принимая во внимание все это, что она стала пьяницей, горем в семье и автором пьес.

АДЕЛЬ. Я смотрю, ты снова женился.

РОДЕРИК. Да, на более развитой женщине, чей смех как колокольчик.

АДЕЛЬ. Но она полнее меня?

РОДЕРИК. Ну, за мальчика ее не примешь, она не такая палка, как ты.

АДЕЛЬ. Но тебе же нравятся мальчики и их палки.

РОДЕРИК. Больше нет, теперь я предпочитаю женщин с развитыми формами.

Прошло немного времени, и мне пришлось признать, что сестра была на 100 % права в своих прогнозах. Я посчитала, что так будет по-честному. Но сестра не удовлетворилась моим признанием и поведала, что мамины несчастье, безмужье

и склонность к драматургии могут привести к плачевным последствиям для нас, если мы не пресечем их на корню, что может оказаться непростой задачей, потому что из-за моего неверия в серьезность ситуации проблемы уже давно пусти-ли побеги. Сестра объяснила, что дети хронически несчаст-ных женщин – в особенности хронически несчастных без-мужних женщин – часто оказываются на попечении государ-ства, а если уж дети окажутся на попечении государства, то люди, которые должны заботиться об этих детях по решению суда, беспрестанно щиплют их, кормят одними макаронами с поджаренным хлебом, а иногда даже хлеба не дают, а толь-ко посыпают макароны ломаными крекерами. Слова сестры произвели на меня сильное впечатление. Я живо представи-ла себе и это неприятное сочетание, и свое разочарование, ведь мало что есть вкуснее поджаренного хлеба. Но сестра на этом не остановилась. Она добавила, что нас не только будут постоянно щипать, но и никогда не позволят завести пони, или собаку, или даже морскую свинку.

Я ответила, что, вероятно, смогу обойтись без пони и пе-режить щипки – какая-то маленькая часть меня даже пора-довалась мысли о войне с щиплющейся воспитательницей, а пони я втайне и не хотела, – но сестра рассказала, что слы-шала подлинные истории о жизни в ужасном детском доме, который был через две деревни от нас, и дети, оказавшиеся на попечении государства, там навеки погружаются в печаль, сколь бы солнечным ни было их расположение духа до этого.

Поэтому мы согласились, что главная цель нашей жизни – найти для мамы нового мужа. Не только ради ее личного счастья, но и чтобы не оказаться на попечении государства и не попасть в детский дом. На вещи мы смотрели реально и не рассчитывали, что мама примется каждую неделю шастать на свидание с новым мужчиной, мы ведь прочитали немало журналов и знали, что свидания – дело непростое. Между свиданиями нам придется изыскивать для нее крохи веселья из других источников, чтобы она отвлеклась от пьесы (пьес) и хотя бы на минутку порадовалась жизни, а там, глядишь, это и в привычку войдет.

Мы решили разослать письма всем подходящим мужчинам в округе и пригласить их выпить с мамой. Втайне мы надеялись, что это повлечет за собой половой акт, а потом и брак. Впрочем, пригласили мы не всех одновременно.

Сестра попросила меня назвать три основных качества, которые я жду от мужа. Это было сложно, потому что я очень мало знала о мужчинах, ну разве только что им нравится огонь в камине и омлет, а еще им нужно постоянно что-то жевать.

Для начала я сказала, что искала бы человека, любящего смотреть телевизор. И уже хотела добавить «кого-то приземленного», но поняла, что сестра меня не слушает. Как и все люди, которые спрашивают, какие три вещи вы больше всего любите или цените, она просто хотела поведать мне о своих предпочтениях.

Замечая за другими такое поведение, я всегда думаю, что вместо вопросов лучше просто заявить: «А сейчас я расскажу тебе о трех главных качествах, которые ищу». И тогда не пришлось бы попусту тратить время, придумывая три главных для вас качества только для того, чтобы человек смог с полным правом поведать о своих предпочтениях. Хуже всех по этой части, конечно, Крошка Джек, который спрашивает обычно, какие три римских императора самые классные и какие три пирога самые вкусные.

Сестра уже вовсю разглагольствовала о трех главных достоинствах мужчины. По ее мнению, нам требовался мужчина, который открывал бы дверь, когда в нее звонят, выглядел бы солидно, любил животных и мог самолично излечить заболевшее. А четвертое – неплохо, если бы он был землевладельцем.

Тут к нашей беседе подключился Крошка Джек и объявил, что лично ему нравятся мужчины с глубокими карманами. И вовсе не в переносном, а в буквальном смысле. Сам он только что дорос до полноценных брюк с карманами и был очарован запахнувшимися перед ним возможностями. А еще он хотел бы человека, интересующегося совами и древними римлянами.

Составив список вопросов с вариантами ответов «да/нет/не знаю», мы разработали процедуру согласования кандидатов. В основном вопросы касались их отношения к животным и телевидению, а также их подверженности определен-

ным заболеваниями, в частности катару, который мама терпеть не могла, даже само слово. Впрочем, она не любила также все формы сопливости. Кроме того, нас интересовало, насколько хорошо кандидат плавает, ведь хороший пловец наверняка предпочитает отдыхать на море. Про карманы мы тоже не забыли.

Спровадив Крошку Джека, мы без промедления составили Список мужчин. Когда я выразила сомнения по поводу одного-двух кандидатов, предложенных сестрой, та сказала:

– Давай на этом этапе не будем никого исключать.

– Но мистер Лонглейди женат, – сказала я, – на миссис Лонглейди.

Уточнение, что мистер Лонглейди женат на миссис Лонглейди, было важным, поскольку быть женатым на миссис Лонглейди – это намного серьезнее, чем быть женатым на ком-то еще.

– Они все женаты, – ответила она, – кроме мистера Ломакса, и он бы наверняка тоже был женатым, если бы не его недоразвитость, из-за которой на нем жениться никто и не захотел, вероятно.

Мы немного помолчали. Я подумала, что называть мистера Ломакса недоразвитым немного несправедливо, а сестра продолжила свою мысль:

– Нам не требуются неженатые кандидаты, вдруг у них нет необходимого.

– Необходимого? – спросила я.

– Опыта и тому подобного. Если они не прошли через ад и медные трубы семейной жизни, то могут сплеховать, когда столкнутся с шоком.

– Но как же их жены? – спросила я.

– Ты же слышала выражение «В любви и на войне все средства хороши», правда?

Выражение я слышала и, хотя тут было над чем подумать, вынуждена была согласиться с ним, и Список мужчин был утвержден в следующем составе:

Мистер Ломакс – кандидат от Либеральной партии

Мистер Додд – учитель – по возм. избегать

Угольщик – слишком далеко?

Мистер Лонглейди – бухгалтер и пчеловод

Доктор Кауфман – доктор

Мистер Олифант – шикарный фермер

Наш отец

Нам повезло, и всего через пару дней после того, как мы составили Список мужчин и дали друг другу торжественное обещание, мама записалась на прием к деревенскому доктору Кауфману из нашего Списка. Мы с сестрой подумали, что вполне можно начать с него, и затрепетали при мысли об этом. Мы знали, что все мечтают выйти замуж за доктора.

План был такой: после того как мама сходит на прием к доктору Кауфману, сестра напишет ему короткое письмо на бумаге персикового цвета (розовые персики в правом верхнем углу выглядят очень чувственно) и пригласит его выпить вечером.

На прием к доктору мама прихватила меня, чтобы он посмотрел мое похрустывающее плечо, это оказалось кстати, потому что я с первого же взгляда определила, что доктору Кауфману даже в голову не придет заняться с мамой половым актом – он явно не из тех, кто использует брошенных и незащитных, даже если они потрясающие красавицы. Я поняла это по его манере разговаривать и по тому, как он на нас смотрел – серьезно, сочувственно и обеспокоенно, – прежде на меня никто никогда так не смотрел, да и впоследствии нечасто.

Более того, я пришла к убеждению, что авансы доктору Кауфману будут контрпродуктивны – он может счесть маму

неадекватной, и это только увеличит вероятность оказаться на попечении государства. Обеспокоенность доктора Кауфмана имела ту же практическую направленность, что и тревоги моей сестры, ибо он, стоя напротив нас, с чувством произнес:

– Миссис Вогел, вы капитан корабля, от вас зависят люди. И об этих людях вы должны заботиться, и другие должны видеть, что вы о них заботитесь. – Он ободряюще кивнул и продолжил: – Вы должны следить за детьми и вовремя вносить коммунальные платежи. Выполнять эти важные обязанности нужно неукоснительно, и вы должны постараться...

Тут мама прервала его:

– Да, хорошо, я попытаюсь...

Но мистер Кауфман еще не покончил со списком неукоснительных обязанностей и неумолимо продолжил перечисление:

– Вы должны подготовить детей к школе, вы должны закрывать двери и ворота – вы же должны помнить, что это деревня, миссис Вогел, а не город. Вы сами тоже должны хорошо питаться, это совершенно необходимо, у вас вес явно ниже нормы.

С таким же успехом он мог сказать: «А иначе ваших детей отдадут на попечение государства, миссис Вогел».

Во всяком случае, именно так я поняла его речь.

Так что неукоснительные обязанности подлежали неукоснительному выполнению. Выслушав доктора, я с той минуты

на 100 % посвятила себя заботам о маминном счастье. Да, я уже дала сестре торжественное обещание, но полного понимания, сколь это важно, у меня до речи доктора Кауфмана не было. Таково свойство докторов. Им все верят. И, наверное, поэтому все хотят за них замуж.

Вернувшись домой, я передала речь доктора сестре, и мы возблагодарили Бога за мое хрусткое плечо и вычеркнули доктора Кауфмана из Списка. Однако мы не стали откладывать в долгий ящик поиски мужчины, следовало ковать железо, пока горячо, и начать с мистера Ломакса, кандидата от Либеральной партии и мастера на все руки. Если по справедливости, он шел первым в Списке, и мы делали на него главную ставку.

Сестра без промедления ему написала. Мамина манера строить фразы давалась сестре хуже, чем мне, от чего я пришла в раздражение и в конце концов была вынуждена вмешаться, чтобы письмо получилось как нужно. Но писчую бумагу и конверт дала сестра, идея тоже принадлежала ей, так что, думаю, это был совместный труд.

Дорогой мистер Ломакс!

Какая же я глупая! Я только сейчас поняла, что даже не поблагодарила вас как следует за все те мелкие работы, которые вы так любезно выполнили, когда мы переехали. Совершенно необходимо поблагодарить вас как подобает, я так чувствую. Пожалуйста, заходите и выпейте со мной горячей воды, или виски, или чего пожелаете. Может быть, обсудим еще кое-какую

работу. Позвоните, и договоримся о дате.

Всегда ваша,

Элизабет Вогел

Мы передали письмо мистеру Ломаксу лично в руки, а маме сказали, что он звонил, интересовался, как дела, – касательно дома.

Мама раздраженно переспросила:

– Касательно дома?

И умная и находчивая сестра ответила:

– Господи, мама, просто ты ему нравишься, он хочет тебя увидеть.

Мама пожала плечами и сказала:

– Боже.

Но вроде обрадовалась.

Прошла еще пара дней, от мистера Ломакса не было никаких вестей, и мы подумали, что, наверное, этим все и кончится, так что сестра спросила у мамы, не желает ли она позвонить мистеру Ломаксу.

– С чего бы мне звонить херову мистеру Ломаксу? – удивилась мама.

И сестра ответила:

– С того, что он хочет с тобой встретиться.

И тут, какую-то минуту спустя, к нашему удивлению, зазвонил телефон и мама сказала в трубку: «Да, думаю, пятница подойдет». Хотя и довольно сухим тоном.

В шесть часов в пятницу мистер Ломакс запарковал свой

фургон под странным углом на газоне и вылез из него в рабочем комбинезоне и коротких светло-коричневых сапогах. Он сказал, что запарковался вот так на газоне, чтобы не блокировать выезды. Думаю, что в тот момент я и осознала, что он вряд ли окажется героем маминого романа. Плевать ей было на заблокированные выходы, она предпочитала, чтобы люди думали о другом.

Мама спросила мистера Ломакса, чего бы он хотел выпить, и он попросил кружку горячей воды, и мама, которая уже налила себе стакан виски, спросила:

– Горячей воды, серьезно? Кто ж такое пьет?

Она скорчила гримасу и открыла кран с горячей водой. Мистер Ломакс попросил кипяченой воды из чайника, и мама посмотрела на него с раздражением.

Они сидели за кухонным столом, и мистер Ломакс много говорил о разнице в качестве воды из цистерны, центральной системы водоснабжения и подогреваемого бака или бойлера. Он говорил о доме и его состоянии. Его беспокоила возможность появления крыс и тараканов, ведь мы разводим цыплят, а за оградой располагается булочная. По его мнению, появления крыс и тараканов «практически невозможно» избежать. Его также беспокоило расположение бойлера, недостаток места для вентиляции, а еще перила, которые совсем расшатались.

Мама предложила ему еще что-нибудь выпить. Он выпил еще горячей воды, и мама довольно грубо спросила его, по-

чему он пьет горячую воду. Мистер Ломакс объяснил, что он только залечил анальную трещину и надо пить побольше воды, чтобы избежать рецидива. Тут мама, видимо, поняла, что ей нечего терять, и мы разыграли для него фрагмент из ее пьесы. Мы часто разыгрывали фрагменты из ее пьесы (пьес), но обычно без публики, и нынешнее представление здорово пощекотало нам нервы.

Мы представили сцену, в которой разводящаяся пара ссорится, решая, у кого останется молодой лабрадор.

РОДЕРИК (его играла мама). Я забираю Дебби.

АДЕЛЬ (я). Нет, не забираешь. Дебби предана мне.

РОДЕРИК. У тебя остаются дети.

АДЕЛЬ. Я хочу Дебби (*держит Дебби на руках*), а ты получаешь тостер.

РОДЕРИК. Ты делаешь Дебби больно. (*Тянет Адель за руку.*)

Пара борется.

АДЕЛЬ. Мне больно!

РОДЕРИК. Отдай его мне.

АДЕЛЬ. Нет.

Родерик сдается и уходит со сцены. Адель гладит Дебби.

Мы боролись за Дебби очень энергично и немного устали, потому после представления сделали короткий перерыв, чтобы мама могла выкурить сигарету. Во время перерыва я заговорила о замеченной мною ошибке в тексте – Родерик говорит о Дебби как о существе мужского пола, в то время

как Дебби на самом деле сука, и, выходит, эту строку следовало бы читать как «отдай ее мне», но мама заявила, что это намеренная ошибка, показывающая, что Родерик едва знает лабратора, что он никчемный ублюдок. Мама затушила сигарету. Она выкурила ее только наполовину, фильтр переломился, а из белой части продолжал валить дым. Я знала, что она готова продолжать, и объявила следующую сцену, «Мой муж ушел», но, прежде чем мы смогли начать представление, мистер Ломакс сказал, что уйти нужно ему.

Воюя со своим аноракотом, он сказал, что знает одного человека, экс-сантехника, оставшегося без работы, потому что он потерял сертификат, выданный Палатой газового оборудования, и этот человек наверняка будет лучше соответствовать маминым задумкам, а потому он опустит его карточку в почтовый ящик. И мистер Ломакс торопливо убежал к своему фургону, припаркованному на газоне.

– Странный малый, – сказала мама, и я не могла с ней не согласиться.

– Недоразвитый, – сказала сестра, которой нравилось произносить это слово.

– Краб, – сказал Джек, он в первый же день определил это, а мнение свое он менял редко.

Сейчас самое время объяснить по поводу пьесы. К моменту расставания с папой лишь одно предприятие мамы увенчалось успехом. Одно-единственное, и произошло это,

когда она, шестнадцать лет от роду, написала пьесу под названием «Планета». Она сама ее придумала, сама написала и отдала на конкурс. Потом она заняла первое место, и пьесу поставили в театре одного из университетов, и студенты театрального факультета представляли ее в течение целой недели (такой был приз).

Маме не так уж понравилось писать пьесу, и, несмотря на зазывное название, пьеса была мрачная и рассказывала о жизни обычных людей (по ее словам), но так совпало, что в то время мрачные пьесы о жизни обычных людей были в моде, и судей поразили мамины зрелость и проницательность. И пусть ее пьеса была мрачной, а писать маме не понравилось, но зато понравилось внимание публики, понравилось, что ее называют гением драматургии, говорят, что пьеса прекрасно выстроена, а диалоги просто блестящие и т. д.

Потом потекли годы, мамина жизнь являла серую беспросветную полосу – она только смотрела на огонь, рожала и пила виски, ну иногда еще пыталась вернуться в те мгновения, когда ее оценили и признали. И после папиного ухода мама принялась писать пьесы без передыху. На самом деле это была одна длинная, без конца и без края, пьеса о ее жизни, и мама постоянно ее правила, меняла и улучшала. Это была Пьеса. Иногда маме случалось написать и что-то более классическое, а то и стихотворение, но в результате все опять сводилось к той же истории. Ее истории.

Иногда работа над пьесой разгоняла тоску и мама прини-

малась носиться с идеей постановки, и в такие дни мы ненавидели пьесу, потому что мама умоляла разыграть ее, хотя мы предпочитали смотреть «Дика Эмери». В другие дни у мамы не хватало энергии прогнать тоску с помощью пьесы (обычно потому, что она слишком рано начала и быстренько напилась), и тогда мы скучали по пьесе.²

Мама была главной героиней, и ее всегда играла я, потому что я и в самом деле могла сыграть ее, у меня и голос такой же, и манеры. Мама всегда играла папу или главного героя, потому что она была выше нас, и это оказалось важным. Мы с ней часто дрались, или боролись, или кричали друг на друга (по ходу представления).

Сестра, наделенная артистическими способностями в меньшей степени, чем мы с мамой, играла прочих персонажей – учителей, соседей и так далее. Моему младшему брату Джеку изредка перепадали крошечные, хотя и важные роли, например фельдшера скорой помощи или судьи, а как-то раз – аптекаря.

И хотя к участию в постановках у меня было сложное отношение, я должна признать, что пьеса была хорошо написана. Умело, иногда весело и всегда жизненно – ничуть не хуже пьес по телику или в театре, за исключением разве что пьес Теренса Рэттигана, который меньше объяснял, но по-

² «Шоу Дика Эмери» – британский комедийный сериал (1963–1981), в котором Дик Эмери предстал в самых разных гротескных ипостасях. – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

казывал столько же. Мама слишком все разжевывала, и ее персонажи время от времени ломали четвертую стену, что я считала жульничеством. Но меня это заботило не так, как сестру. Вот только то, что заботило ее, рано или поздно начинало заботить нас всех.³

³ Теренс Рэттиган (1911–1977) – английский драматург, автор знаменитой пьесы «Глубокое синее море» об одном дне из жизни молодой женщины, поставившей все на карту во имя любви.

4

Препарируя визит мистера Ломакса, мы с сестрой проявили должную самокритику. Наша цель заключалась в том, чтобы они вместе выпили, а потом занялись сексом в маминой гостиной и продолжали в том же духе, пока дело не дойдет до помолвки и свадьбы. Но мы слишком плохо все спланировали и небрежно исполнили, что позволило шансам ускользнуть сквозь пальцы.

И хотя мы согласились, что мистер Ломакс далеко не идеал, себя мы оценивали, исходя из того, что он все-таки идеал, пусть на самом деле так и не было.

Было ошибкой, решили мы, не предложить ему закусок и не включить музыку, из-за этого, возможно, мистер Ломакс чувствовал себя не в своей тарелке и наверняка голодным, а если я что-то определенно и знала о мужчинах, так это то, что их совершенно не интересует секс, если они голодны. Мы также согласились, что пьеса все только усугубила, в особенности сцена с Дебби, тяжелой, надо признать. Неудивительно, что мистер Ломакс испугался.

Но мы не сдались. Сестра сверилась со Списком мужчин, вычеркнула мистера Ломакса и добавила Кеннета, папиного шофера. Я возразила, заметив, что они с мамой ненавидят друг друга до глубины души, но сестра ответила, что от любви до ненависти один шаг, то есть вы с большей вероятно-

стью займетесь сексом и выйдете замуж за человека, которого ненавидите, чем за человека, к которому вы равнодушны. Я хорошенько подумала, и эта мысль показалась мне разумной. Что меня обеспокоило.

Следуя той же логике, мы добавили в Список механика по имени Денис, который почти уже вышел на пенсию и таксовал на своем «форде зодиак», – его мама тоже терпеть не могла.

Я спросила, не проще ли подтолкнуть ее к воссоединению с папой. Сестра сказала, что нет. По ее мнению, они все еще были как вода и камень. Кроме того, сама память о папе начала блекнуть. В то время так всегда бывало с разведенными отцами. Они старались не маячить – из соображений вежливости и удобства. Это справедливо и для неразведенных отцов, но с разведенными вы и вовсе никогда не встречались, разве что за редким воскресным обедом или когда топали по полю на пикник. В вашей личной жизни разведенный отец не участвует, и для Крошки Джека это стало проблемой, ведь в доме не было мужчины, который мог бы научить его, как изобразить ба-бах от взрыва, или объяснить, почему Западная Германия играла лучше Эквадора. Не то чтобы наш конкретный отец был способен хотя бы на что-то одно из этого – речь о принципе. Но хуже всего, что в вашей общественной жизни разведенный отец тоже не участвует – не ходит на родительские собрания, спортивные соревнования, школьные пьесы и выставки. Не видит, как вы играете на сцене, как вы

стараешься, выигрываешь и проигрываешь, не знает, какие вы молодцы, – а это стало проблемой уже для моей сестры: папа не слышал похвал ее школьным успехам, а потому не мог восхищаться ею в той степени, в какой она того заслуживала. Иногда она сама рассказывала ему о своих успехах, но казалось, что она хвастается и преувеличивает, и всем присутствующим от этого становилось тошно, так что сестра оставила это.

Меня отсутствие отца в моей личной и общественной жизни задевало меньше всего. Возможно, потому, что я не сомневалась, что он был бы хорошим отцом, если бы не развод. Я вовсе не страдала от того, что больше никто не напоминает мне, что следует сохранять палочки от леденцов, а то вдруг меня посетит непреодолимое желание построить модель Лестерширской тюрьмы, как случилось с папой в детстве (хотя он использовал спички). Память у меня хорошая, и я в достатке получила от него жизненных советов. А его одобрения мне не требовалось. Просто я считала, что по сравнению с остальными мужчинами из Списка он самый милый и самый хороший, и, что важнее, его мы знали лучше всех. Хотя папа и присутствовал в Списке, но (пока вы чего себе не придумали) до романтического повторного брака дело не дошло, даже попытки в этом направлении не предпринимались: мы решили, что все это слишком запутанно и маловероятно плюс требует дорожных расходов.

Мы пришли к согласию, что пока больше не стоит замани-

вать мужчин на встречу с мамой, сначала нужно поподробнее изучить ситуацию и разработать порядок действий. Между тем мы придумали и промежуточные проекты – дабы подбодрить маму и, как мы надеялись, предотвратить сочинение пьесы. Моя сестра была гораздо на быстрые решения: завести еще одного жеребенка, поехать в театр за пятнадцать миль от нашего дома или построить кормушку. Она даже подумывала притвориться, будто произошло нечто ужасное, а потом развернуться и объявить, что тревога ложная, и мама тут же ощутит невыразимое облегчение и поймет, до чего же ей повезло в жизни. Но, на мой взгляд, идея была слишком рискованной.

Я предпочитала проекты подлиннее, сулящие разнообразные последствия. Например, обсадить аллею тополями, как это делают во Франции, чтобы деревья защищали нас от знойных ветров, или подружиться с кем-то навроде миссис С. Бороды – эта леди жила через дорогу и казалась единственным симпатичным человеком во всей деревне, она ругала нас за то, что мы мусорим, но только если мы и в самом деле мусорили, а когда мы не мусорили, она улыбалась и иногда даже зачем-то махала нам рукой.

Лучшее, что мне пришло в голову, учитывая чрезмерную удобу мамы, – заняться кулинарией, тем более что даже поджаренный хлеб и соус из петрушки нам порядком надоели. Сестра про все мои идеи говорила, что они либо слишком амбициозные, либо «навряд ли принесут плоды», имея

в виду, что они так и останутся идеями. Что касается кулинарии, она сочла этот прожект нереалистичным, потому что мама ненавидела еду почти так же сильно, как она ненавидела шофера (из всех слов в английском языке она больше всего не любила слово «порция»).

И тогда сестра, куда более практичная, чем я, выступила с удачной и простой идеей, которую она представила так естественно, что я едва заметила, как это случилось.

Мы сидели в маминой спальне. Там стояла тяжелая кровать с уродливым балдахинном и прочая неуклюжая мебель из грецкого ореха, и мне очень не нравились все эти древесные разводы, которые я бы охотно покрасила симпатичной изумрудной краской. Но мы любили здесь сидеть. В спальне приятно пахло и все выглядело так, как и до расставания с папой, – то же белье, те же флакончики с духами и т. д. Мама даже повесила над незажженным камином картину, на которой была изображена Офелия. Другие старые картины она снесла на чердак, заменив их изображениями абстрактных штуквин оранжевого и желтого цвета и старыми рекламными вывесками, предлагающими купить моторное масло и средства от несварения.

– Думаю, нам стоит начать ходить в церковь, – сказала сестра, глядя в увеличенные глаза мамы в зеркале на туалетном столике. (Вот такая ей пришла в голову простая и хорошая идея.)

Я удивилась, но поддержала ее и напомнила, что церковь

очень удобно расположена – прямо через дорогу, так что добраться туда совсем нетрудно. Какое-то время мама молчала. Она, похоже, собиралась куда-то пойти: закапала капли в оба глаза и провела бледной губной помадой по сложенным в трубочку губам. Она почти не красилась, предпочитая выглядеть естественно. Свои длинные волосы она носила распущенными, а ее худощавое загорелое лицо усыпали крошечные квадратные веснушки, которые почему-то напоминали осколки разбитого цветочного горшка. В ее облике не было ничего лишнего, и, как мне казалось, выглядела она эффектно, тогда как остальные женщины – нелепо размалеванными.

– Ты можешь пойти в церковь, если хочешь, – наконец сказала мама, глядя на свое отражение в зеркале, и саркастически хмыкнула.

– Нет, я имела в виду всю нашу семью, – сказала сестра. – Надо же познакомиться с жителями деревни.

– Живой вы меня туда не затащите, – ответила мама, – только не после визита этого жалкого идиота викария и его дурацкой проповеди.

– А что он сказал? – спросила я.

– Он сказал, что будет несказанно рад видеть нас в церкви, но в Союз матерей меня не примут, потому что я разведена.

– Что ж, если он будет «несказанно рад нас видеть», надо пойти, – сказала я и развела руки, подразумевая «вот видишь», но получилось, будто я пародийно открываю молит-

венник.

– Нет, Лиззи, когда люди говорят, что будут несказанно рады тебя видеть, это значит, что они вообще не желают тебя видеть, – сказала мама.

– Правда? А что же они говорят, когда хотят меня видеть? – спросила я.

– Тогда они ничего не говорят. Это и так понятно.

Сестра сидела подавленная, ведь ее идею разнесли в пух и прах, но тут выступил Крошка Джек, что было странно, потому что мы никогда не привлекали его к своим планам – он вечно чего-то опасался, да и был слишком мал, чтобы выкладывать ему всю правду. Но его вмешательство продемонстрировало, какой он умный и проницательный. И его не просто посетило озарение, он раздобыл листовку, подкреплявшую его замысел, и был тем чрезвычайно горд.

Крошка Джек продемонстрировал листовку, в которой сообщалось о Пасхальном параде. Сам парад Джека, в общем-то, не интересовал, но вот размахивать листовкой ему нравилось. Джек всегда подбирал рекламные листовки. В то время они были не так распространены, как сейчас. Звучит невероятно, но в них даже имелась прелесть новизны. И эта листовка Крошке Джеку особенно понравилась, ведь благодаря ей он оказался в центре внимания, а крошки только ради этого и живут.

Вслед за мамой мы спустились в кухню и, сгрудившись

на большом кожаном диване, который стоял в холодном углу, стали обсуждать парад и конкурс маскарадных костюмов. Как оказалось, мама никуда не собиралась, она обдумывала одноактную пьесу под названием «Лиса – рыжая краса» о жене охотника, которая приручила дикую лису, просто чтобы доказать, что это возможно, и теперь не знает, что делать с ручной лисой, которая подседа на измельченную пшеницу и уже не выживет в лесу. Интересный сюжет.

К тому времени мы с сестрой уже всей душой ненавидели деревню, и я ненавижу ее по сей день. При этом должна признать, что ничего я не хотела так сильно, как стать своей, понравиться местным жителям. Прояви кто-нибудь хоть малейшее дружелюбие, хоть самую капельку, жизнь показалась бы мне куда лучше, поэтому я готова была сделать все, только бы меня приняли за свою.

Конечно, можно было вступить в один из деревенских клубов или прибиться к какой-нибудь группе, а там были любопытные, вот только тебя должны были принять, поддержать твою кандидатуру или твое имя должно было оказаться во главе списка кандидатов, а это означало, что от тебя самого мало что зависит. Например, мама хотела петь в хоре, но ей сказали, что сопрано у них предостаточно и с ней свяжутся, если кто-нибудь умрет, или потеряет голос, или заболеет. Сестра – страстная любительница птиц – очень хотела вступить в Клуб юных орнитологов, но в свои одиннадцать она была слишком взрослой для младшей группы, куда прини-

мали детей до восьми лет, но когда Крошка Джек сказал, что он, наверное, не против, мы позвонили руководителю клуба, и вдруг группа до восьми лет оказалась группой до семи лет, а значит, и Джек тоже оказался великовозрастным для юного орнитолога.

По правде говоря, – если не брать в расчет церковь, а ее мы исключили из-за жалкого идиота vicария, который сказал, что будет «несказанно рад нас видеть», и мамы, которой хватило ума объяснить нам истинное значение его слов, – вступать-то было особо некуда, если вы уже не чувствовали себя в деревне как дома. Однако в Пасхальном параде-маскараде могли участвовать все, а значит, и мы, и для этого не нужно было записываться в лист ожидания и преодолевать бесконечную полосу препятствий.

– Судьи особенно рассчитывают увидеть необычные и актуальные костюмы, сделанные своими руками, – протараторил как из пулемета Крошка Джек.

Я сказала, что нам не нужно преодолевать полосу препятствий, хотя небольшое препятствие все же было: мы с сестрой осуждали подобные мероприятия (парады-маскарады). Она – потому что терпеть не может, когда на нее все смотрят, а я – потому что выиграть можно, только если у тебя прекрасный костюм, который к тому же должен быть оригинальным и актуальным, а это значит, что вам должна прийти в голову оригинальная актуальная идея, а затем у вас должны иметься время и материалы, чтобы сшить костюм. Или

мама, которая сошьет костюм. И побеждают всегда одни и те же счастливики, а было бы неплохо, чтобы для разнообразия хоть разочек выиграл кто-нибудь другой.

Сестра решительно отклонила саму мысль обрядиться в маскарадный костюм, и я тоже почти отказалась от этой затеи, как вдруг маму посетила по-настоящему оригинальная мысль, настолько блестящая и актуальная, что я чуть не упала в обморок и подумала, что мне, наверное, все это снится. Я честно думаю, что это лучшая идея, которая когда-либо посещала маму, и ничего лучшего ей уже не придумать. Мама и сама так сказала. Даже пьеса, с которой она победила на конкурсе в 1957 году, не могла сравниться с той идеей. Пьеса была случайностью, а это была хорошая ИДЕЯ, а такие почти никогда не приходят в голову. Мне предстояло стать Мисс Децимализацией.⁴

Мама принялась за работу, и через час костюм был готов. Простое белое платье из гофрированной бумаги, к которому спереди была приколота гигантская пятидесятипенсовая монета из картона, обернутого фольгой.

Идея была необыкновенно актуальной, о денежной реформе все еще говорили в новостях. Децимализация произошла только в феврале, и вот в понедельник на Пасхальной неделе я выступлю в образе ходячего и говорящего пятидесятипенсовика. Я не сомневалась, что после парада деревен-

⁴ Денежная реформа, осуществленная в Великобритании в 1971 году, при которой произошел переход на десятичную систему исчисления.

ское общество раскроет нам свои объятия, ведь мамина идея была не только актуальна, но и проста и лишена всякого пафоса.

Отметив это, я пристала к сестре, чтобы она согласилась, она нехотя согласилась, и мама предложила сделать для нее простой костюм под названием «Закон о реформе разводов», который также вступил в силу в этом году, следовательно, костюм будет актуальным (и сделанным своими руками).

– А как будет выглядеть закон о реформе разводов? – спросила я, слегка напугавшись, что на его фоне Мисс Децимализация может померкнуть.

Немного подумав, мама ответила:

– Я бы взяла простое ситцевое платье с мелкой складкой на груди, вышила на нем слова любви и подвязала красным поясом. Но юбка пусть будет разодрана в клочья, и вышивка на ней бы разошлась, так что только нитки бы висели...

– И волосы в полном беспорядке, и размазанная тушь... – добавила я.

– Нет, спасибо, – оборвала сестра.

Настал день парада, мы с Джеком облачились в наши костюмы и, взявшись за руки, отправились в сад викария у церкви. Миссис Лонглейди, наша почти соседка, входила в жюри и в микрофон обращалась к участникам соревнования и их матерям. Увидев ее в роли деревенского лидера, я решила, что она леди высокая и солидная, как и следует из ее фамилии. И она все время повторяла слово «троекратно».

Это тоже показалось мне солидным. Прежде я не слышала, чтобы кто-нибудь говорил «троекратно», и слово это тотчас стало моим любимым.

– Жюри троекратно осмотрит всех участников конкурса, – сказала миссис Лонглейди участникам и их матерям в отдающий эхом микрофон, – когда они будут идти, стоять и вблизи. После этого мы решим, кто получит призы.

Я участвовала в категории «дети до двенадцати лет», и нас осматривали в первую очередь. Мы сгрудились в кучу под каштаном, и к нам вышел помощник судьи и рассредоточил, чтобы судьи могли нас осмотреть (троекратно). Я очутилась прямо в середине шеренги. Слева от меня стояла Мэри с пушистым барашком под мышкой, а справа – мальчик в купальных плавках с завязками, который, как я предположила, изображал Маугли. Я попыталась поговорить со своими соперниками, но они отвернулись. Кое-кто насмешливо оглядел мой костюм, кто-то спросил: «А она кого изображает?», кто-то ответил: «Десять шиллингов», и все засмеялись.

Потом члены жюри – миссис Лонглейди, миссис Уорс из магазина игрушек и скобяных товаров и миссис Фринк из магазина «Охота» – прошли вдоль шеренги и троекратно посмотрели на Мэри и барашка, улыбнулись и спросили, помогала ли она маме делать костюм и где ее барашек. Они прошли мимо меня. Ни разу не посмотрели, не то что троекратно.

Они не улыбнулись, не воскликнули: «Какая остроумная

идея!» Не спросили, сама ли я делала свой костюм. Они не рассмотрели внимательно на мои сабо, на которые я прилепила пластиковые монетки, хотя я старательно покачалась на них, чтобы привлечь внимание.

Отчасти причина была в том, что я им совсем не нравилась – ни я сама, ни моя семья, оставшаяся без рулевого. Но децимализацию они ненавидели не меньше, для них это было неудобство, прибывшее из Лондона, – никому не нужные, бессмысленные перемены, о которых они не просили. Округление полпенни как в большую, так и в меньшую сторону их злило. Владельцы магазинов вроде миссис Уорс теряли деньги, а домохозяйки вроде миссис Лонглейди подозревали, что их обманывают. А тут вот она я, живое воплощение ненавистного. Покрытое фольгой.

Они даже толком не рассмотрели на меня, мазнули взглядами, моргнули и сразу же перешли к Маугли. Миссис Уорс ошибочно приняла его за американского пловца по имени Майк и выразила сожаление, что на Олимпийских играх 1968 года Британия не получила ни одной медали в этом виде спорта. Маугли объяснил, что он Маугли, и, посмотрев на него как минимум троекратно, члены жюри выразили свое восхищение, сказали, как они любят «Книгу джунглей» и так далее.

Первое место получила русалка в бикини. Ее подбитый ватой хвост переходил в ласту, она как-то сумела всунуть в эту ласту обе ноги. Верх бикини состоял из двух ракушечных

пепельниц, что предусмотрительно расставлены в зоне ожидания ресторанов, где готовят навынос; пепельницы эти вечно грязные, потому как их неровности толком не отмоешь. В общем, русалка с пепельницами выиграла, хотя я не поняла, что актуального в ее костюме. Жюри понравился ракушечный верх бикини и находчивое использование инвалидной коляски, позаимствованной из дома престарелых «Сосны».

Вскоре на помосте выстроилась младшая группа. Комитет справедливо решил, что публике особенно понравятся малыши в маскарадных костюмах. Крошка Джек был одет египетским королем Фаруком, что было далеко не столь актуально, как Мисс Децимализация, ведь Фарук уже двадцать лет назад превратился в короля-изгнанника, но наш много путешествующий папа подарил Крошке Джеку феску. И когда мама увидела эту феску, в ее голове всплыл образ короля Фарука и она отказалась от своего плана надеть на Джека очки в тонкой проволочной оправе, как у Джона Леннона, и переключилась на создание образа хорошо известного, пусть и старого и, возможно, мертвого египетского короля. Крошка Джек не возражал. Сами понимаете, кто ж не хочет быть королем?

Жюри троекратно осматривало участников, и Крошке Джеку совсем не понравилась та часть, где его рассматривали вблизи, поэтому он все пятился и пятился от судейской троицы, пока не упал с помоста, так что его феска покати-лась, точно оброненный леденец. И хотя Крошка Джек и не

выиграл в своей категории, жюри не проигнорировало его всецело, особенно после падения. Им понравились его закрученные усы и феска (которая всех очаровала), и, конечно, им понравилось смеяться над его иностранностью. Кроме того, он был маленьким мальчиком, и это сразу сыграло ему на руку. Судьи даже вывели его вперед вместе с Малюткой Бо-Пип и Говорящим Сверчком (оба костюма взяли напрокат в магазине «Пиноккио» в Лестере). На мгновение нам показалось, что Джек сейчас получит наградную розетку, судьи на него показывали (мы привязали ему на живот подушку, поэтому в криво надетой вновь обретенной феске он выглядел как самый настоящий толстенький и низенький король), но в последнее мгновение миссис Лонглейди спросила: «Ты король Иордании Хуссейн?», Крошка Джек покачал головой, и зрители засмеялись, и миссис Лонглейди сказала: «Ну так скажи нам, пожалуйста, кто ты такой?» Крошку Джека заело на букве «к», он с от⁵ чаянием поглядел во круг, так что я ринулась вперед в своем шуршащем платье и объяснила, что он не кто иной, как король Египта Фарук, ныне покойный, и все снова засмеялись.

Получив эту информацию, судьи замахали на Крошку Джека руками, прогоняя его обратно в шеренгу, и вызвали вперед Леди Годиву, которой дали розетку за третье место. Больше всего их позабавило, по словам миссис Лонглейди, то, что участница сидела на настоящем пони и была одета

⁵ Девочка из английской детской песенки, потерявшая овец, которых пасла.

в трико и боди телесного цвета. Это вдвойне уязвило нас, потому что мы договорились НЕ задействовать пони, у нас в семье соблюдалось правило не выставлять напоказ богатство.

Если бы Крошка Джек выиграл ту желтую розетку, все бы изменилось (могло бы измениться). Возможно, наше отношение к деревне поменялось бы к лучшему. Думаю, так бы и произошло. Но он не занял никакого места, и наше отношение не изменилось, и мы побрели домой, и я поднялась к себе, и посмотрела в зеркало, и почувствовала себя бесконечно опустошенной и униженной. Я не стала драматизировать. Я не растоптала свои пятьдесят пенсов ногами и не разорвала их в клочья. Я была зрелой девочкой для своего возраста, я заварила чай и сказала, что в жюри одни суки, и Крошка Джек кивнул.

Мама испытала горькое разочарование. Я сказала «горькое», потому что это слово прекрасно сочетается со словом «разочарование». На самом деле она слегка разочаровалась и рассердилась и, как и я, подумала, что в жюри одни суки, особенно учитывая, как презрительно они отнеслись ко мне в костюме Мисс Децимализации, хотя идея была самая актуальная.

Сестра сказала, что участвовать в конкурсе было глупостью с нашей стороны, что мы оба выглядели по-дурацки и ей было стыдно. И в тот момент я поняла, как я ее люблю. Поняла, что она всегда будет честна с нами, и ее честность в

высшей степени подбодрила меня. Ее едкое замечание дало мне надежду.

Пьеса, которую мама написала о параде, была самой несмешной из тех, что она когда-либо писала.

Судья. Ну, так кого же вы изображаете?

Адель. Я деревня.

Судья. Но вы похожи на судью Верховного суда, попавшего в беду.

Адель. Это моя интерпретация деревни.

Судья. А этот костюм актуальный и сделан своими руками?

Адель. Да, за исключением парика, который я взяла взаймы.

Судья. Не забудьте его вернуть.

Участие в маскараде никак не продвинуло нас на пути к главной цели, да и вообще никуда не продвинуло, и мы решили, что пора самим идти дальше. Понимая всю неотложность дела, мы снова занялись обсуждением Списка – относительных достоинств Кеннета, шофера, и мистера Олифанта, местного жителя типа фермера (хотя он лично и не занимался никаким фермерством) – и ломали голову в поисках новых кандидатов, как вдруг в кухню вплыла мама в платье-рубашке карамельного цвета с металлическим поясом и в белых сандалиях.

Мы спросили, куда она собирается, и она ответила, что идет на прием к доктору Кауфману за рецептом на таблетки,

от которых ей станет лучше, и удалилась настолько быстро, насколько ей это позволяла узкая юбка.

«Таблетки, от которых ей станет лучше». Какая блестящая мысль! Когда дверь за мамой захлопнулась, я победоносно вскинула кулак. Такое простое решение всех наших проблем, куда проще, чем красить мебель или топтать в церковь раз в неделю, и благодаря ему нам, может быть, и не придется доставать новые идеи из рукавов – в переносном смысле.

Сестра сказала, что не следует слишком радоваться, потому что даже если таблетки и сработают, нам, чтобы вернуть себе остатки уважения, по-прежнему отчаянно нужен человек у руля, какой бы счастливой или нормальной наша мама ни стала.

– Нам нужен мужчина, Лиззи, и пока мы его не найдем, мы все равно что прокаженные, – сказала она.

Крошка Джек прижался лицом к оконному стеклу.

– Куда мама пошла? – спросил он и принялся стучать в окно ей вслед. Мама все время забывала объяснить ему, что происходит, да и мы тоже, так что он зачастую пребывал в неведении и стучал в окна.

– Она пошла за таблетками к доктору Кауфману, – сказала я, – чтобы подбодриться.

И, чтобы самим подбодриться, мы развели сухой лимонад – наш особый секретный напиток, который миссис Лант раньше запрещала, потому что все сразу же становилось лип-

ким, а мы оказывались во власти отрыжки, а ей не нравилась ни липкость, ни отрыжка.

Понимая, что на таблетки нельзя всецело полагаться, я снова погрузилась в изучение Списка и постаралась припомнить еще каких-нибудь мужчин для мамы, которая совсем скоро станет более счастливой. Вдохновляясь порошковым лимонадом, мы вдруг вспомнили жалкого идиота викария, к которому мама испытывала настоящую неприязнь. Памятуя о том, что от любви до ненависти, как уже говорилось, один шаг, мы добавили его в Список и даже порешили, что он будет следующим.

Должна признать, что после таблеточной идеи Список мужчин казался мне уже не таким важным. Я была уверена, что таблетки принесут невыразимую пользу, и, несмотря на сомнения сестры, я предчувствовала, что Список нам не понадобится. Я еще раз попыталась убедить сестру принять мою точку зрения, но она разочарованно посмотрела на меня и очень серьезно сказала:

– Сколько раз тебе повторять, Лиззи? Таблетки НЕ заменят мужчины.

Взгляд у нее был суровый.

– Но от них ей должно стать лучше, правда?

– Да, должно. Но. То, что она почувствует себя лучше, может тоже стать проблемой, главной проблемой.

– Но если от таблеток ей станет лучше... это же хорошо,

правда? – спросила я. Честно говоря, все это меня немного раздражало.

– От таблеток ей может стать *слишком* лучше. Настолько лучше, что она вообще не захочет искать мужчину. Вот почему мы должны ей помогать изо всех сил.

– Слишком лучше?

– Да, *слишком*. Она будет *слишком* довольной, *оглушенной* таблетками.

– Понятно, – сказала я, хотя и не понимала ничего.

По мне, так это было похоже на счастье.

Ладно. Я постаралась не думать о таблетках и сдерживать оптимизм. И когда мама вернулась от врача, по дороге зайдя в аптеку мистера Блайта, я про таблетки даже не спросила, а когда мама положила их на буфет, я отвернулась и сосредоточилась на Списке мужчин.

– Почему ты так ненавидишь викария? – спросила я.

– Я его не ненавижу, – ответила мама, – я уверена, что он хороший человек, ему только нужно вести себя просто и естественно, а не по-идиотски, и говорить то, что он думает.

Я подумала, что эти добрые ее слова объяснялись лишь радостью по случаю обретения таблеток. Кто знает, может быть, она уже приняла парочку.

С благословления сестры я написала викарию.

Ваше преподобие,

Вы, возможно, заметили, что я не хожу в церковь.

Причина в том, что церковь как организация вызывает у меня сомнения и я терпеть не могу всех идиотов, которые там собираются. Я по-прежнему молюсь, но лишь в одиночестве своей спальни и в одной ночнушке.

Кроме того, я слышала, что в связи с моим статусом разведенной женщины я могу причащаться только с разрешения епископа, и из-за этого чувствую себя отверженной. Мне совершенно необходимо оценить роль Бога в моей жизни. Если у Вас найдется время, заходите, и мы просто и естественно, без обиняков, обсудим Бога и церковь.

*С наилучшими пожеланиями,
Элизабет Вогел*

Мы доставили письмо лично в руки. Уже на следующий день викарий постучался к нам в дверь, и мы пригласили его на чашечку кофе. Кофе он пил с молоком.

Я увидела в этом признак того, что он запал на маму, хотя сестра так не думала. Она объяснила, что в наши дни викарии мчатся к любому, кто проявит хоть малейшую искру интереса к Богу, прежде чем эта искра угаснет. Как раз в то время сестра начала терять веру, поскольку вошла в возраст сомнений. По ее словам, из-за «Битлз» и таблеточек вроде тех, что принимала мама, полсвета балансирует на краю пропасти неверия.

В чем бы ни крылась причина викариевого проворства, он прибыл в наш дом, и, к нашему изумлению, они, похоже, занялись сексом. Судя по звукам, которые издавал его препо-

добие, секс ему либо очень понравился, либо он испытывал адские муки. Так начался роман, который продолжался тринадцать дней. Викарий никогда не задерживался больше чем на час и непременно настаивал на том, чтобы сначала поговорить о духовном и так далее, и на этой части мама клевала носом. Мы не всегда его видели, потому что иногда бывали в школе, но я засыпала маму вопросами, дабы быть в курсе всех нюансов.

– А викарий заходил?

– Да.

– Надолго?

– На часок.

– Не так много времени на то, чтобы обсудить Бога.

– У него ведь целая паства.

– А о чем вы разговаривали?

– В основном о Боге.

– И тебе понравилось, что он заходил?

– Не особенно.

Вскоре нас посетила жена викария и затеяла с мамой ожесточенный спор, в частности она сказала: «Минуточку, но ведь это же вы его пригласили...»

На что мама ответила: «Нет, я его не приглашала».

Что было одновременно и правдой, и неправдой, и мы с сестрой осознали, что наш план грешит серьезным изъяном. Съездившись, мы смотрели друг на дружку, уверенные, что жена викария достанет письмо, которое я написала ее мужу,

но она этого не сделала, к невыразимому нашему облегчению, и мы возблагодарили Бога.

И викарий больше не заходил. Мы только зря потратили на него время, мама не прониклась к нему чувствами. Но нужно признать, что в течение тех двух недель, осененных сексом с его преподобием, мама совсем не писала пьесу. По завершении романа появилась короткая сцена.

ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ХОУП. Почему вы хотите молиться одна, а не с остальной паствой?

АДЕЛЬ. Остальная паства идиоты.

ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ХОУП. Как я вас понимаю.

АДЕЛЬ. Я предпочитаю разговаривать с Богом в уединении.

ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ХОУП. Давайте помолимся вместе.

АДЕЛЬ. А Бог не будет возражать?

ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ХОУП. Я уверен, что в нужный момент он отвернется.

Рождество во Флэтстоуне отмечалось на широкую ногу, тут было недостаточно зажечь свечи и воткнуть гвоздички в апельсин, чем мы обходились в прошлые годы. Предрожественская суэта кипела в нашей школе вовсю. Мы без устали репетировали школьный рождественский спектакль «Ослик». И нужно было придумать, смастерить и развесить рождественские украшения. Соорудить подарки для горячо любимых матерей и трудолюбивых отцов. Съесть индейку и пудинг на рождественском обеде, написать письма Рождественскому Деду – эльф, судя по всему, уже ждал и готов был отнести их в деревенский клуб, чтобы Рождественский Дед зачитал их на рождественской ярмарке. И еще специальное рождественское собрание, на котором директрисе предстояло напомнить нам, что смысл Рождества НЕ в подарках, индейке или Рождественском Деде, но в Иисусе.

Когда речь заходила об Иисусе, директриса становилась настоящей невротичкой, особенно на Рождество, когда она беспокоилась, что об Иисусе могут забыть или что он отойдет на второй план, а на первом окажутся более привлекательные атрибуты Рождества. Она так беспокоилась, что вызвала викария. Как-то утром он появился на школьном собрании и произнес речь на эту тему. Мы с воодушевлением спели «Там в яслях», а потом викарий достал табличку, на

которой очень большими буквами было написано *Xmas*⁶.

– *X*, – сказал он, – *X-mas*. Кто из вас пишет Рождество подобным образом? – спросил он, улыбаясь и постукивая по слову.

Довольно многие дети подняли руку. Я не подняла, чувствуя подвох.

Викарий осмотрел зал. Улыбка исчезла, лицо сделалось каменным.

– Больше половины, – сказал он. – Разве вы не видите, что это проявление лени и оскорбительно для Иисуса? И все ради того, чтобы писать на несколько букв меньше.

Викарий не знал, когда это все началось, но предполагал, что такое написание пришло из Америки, – возможно, вместе с рок-н-роллом. Как бы то ни было, сокращение уже почти стало нормой. Он и сам получил две или три рождественские открытки с подписью *Happy Xmas* и очень опечалился, что люди, лично ему знакомые, так оскорбляют Христа.

– Потому что, давайте подумаем об этом, когда вы пишете *X-mas*, какое слово вы не пишете... а?

Он оглядел зал. Некоторые дети подняли руки, и викарий показал на мальчика по имени Дэниел.

– Так какое же слово мы не пишем, когда пишем *X-mas*?

– Рождество? – спросил мальчик. И все захихикали.

– Христос, – сказал викарий. – Мы не пишем «Христос».

Викарий разглагольствовал со сцены о том, что так писать

⁶ Повсеместное сокращение от английского *Christmas* (Рождество).

оскорбительно и свидетельствует о лени, а я слушала и злилась, ведь для многих из детей это был просто способ не наклепать орфографических ошибок.

Например, моя подруга Мелоди обычно пишет без ошибок, но некоторые буквы просто пропускает, а Крошка Джек, который, по словам его учительницы, «не по годам грамотен», тоже иногда пропускает буквы. Ведь слово это употребляется лишь в свой сезон, и, следовательно, мы не практикуемся в его написании круглогодично, как с другими, несезонными, словами, вроде «проживание» или «гиппопотам».

И вот этот жалкий идиот викарий твердит, что писать *Xmas* оскорбительно для Иисуса. А по мне, так вовсе это никакое не оскорбление, а проявление здравого смысла, и странно, чего это викарий стонет об оскорблении Иисуса, а не рассказывает о чуде его рождения и тому подобном.

С того дня я пишу исключительно *Xmas*. Стараюсь никогда не писать это слово полностью. Я даже говорю *Xmas*. Не чтобы оскорбить Иисуса, а в память об этом жалком идиоте викарии.

Xmas Xmas Xmas.

И, честно говоря, в тому времени *Xmas*-Дед уже стал для меня более важной фигурой, чем Иисус. Это никак не было связано с написанием Рождества, и даже если бы я писала это слово как *Christmas*, *Xmas*-Дед все равно интересовал бы меня больше. Дело в том, что в ночь на Рождество 1968 го-

да, когда родители еще были женаты и мы жили в городе, я услышала, как его сани заскрежетали на крыше нашего дома.

Меня разбудил глухой шум, с которым сани приземлились на крыше, и я услышала позвякивание бубенцов, раздававшееся, когда олени нетерпеливо мотали головами. Никакая радость с тех пор не могла сравниться с той, что я испытала, когда услышала, как гроыхает черепица под его тяжелыми сапогами, пока он идет к дымоходу. Я не рассчитывала *увидеть* его, я даже не *хотела* увидеть его, уже одно то, что я его слышала, было самым настоящим волшебством. Сейчас я думаю, что если бы я услышала, что на мой дом или рядом с ним сошел Иисус, я бы тоже почувствовала восторг, но на наш дом приземлился не Иисус, а *Xmas*-Дед, а личные встречи производят сильное впечатление.

На следующее утро (*Xmas*-утро 1968 года), сидя в родительской кровати под балдахином, я рассказала, что слышала сани *Xmas*-Деда.

– Ночью я слышала, как на нашу крышу приземлился *Xmas*-Дед, – сказала я, обращаясь в основном к маме.

– Ты вроде бы этому не особо рада, – сказала она.

– Я просто боюсь, что ничего лучше этого со мной не произойдет, – ответила я, – что лучшее уже случилось.

– Обещаю, что будут события и получше, – сказала мама.

– Но что может быть лучше? – спросила я.

И тут вошел наш биологический отец и опустил на кровать красно-белую коробку. И не успели мы начать ее распа-

ковывать, как из коробки высунул голову щенок (это была Дебби), и я думаю, что ее появление должно было стать лучше *Xmas*-Деда, и отчасти так и было, а отчасти нет.

В тот год, когда мы впервые встречали *Xmas* в деревне, возникла спорная ситуация касательно того, кто будет представлять *Xmas*-Деда на ярмарке. В последние два года эту роль исполнял мистер Лонглейди, бухгалтер-пчеловод, сменивший на этом посту мистера Ломакса, кандидата от Либеральной партии, которого вывела из строя болезнь, из-за нее он не мог сидеть на стуле в зале церковных собраний достаточно продолжительное время, как того требовала роль. Но в этом году мистер Ломакс был готов снова вступить в должность, он согласовал свое возвращение с викарием и выговорил стул поудобнее.

Моей семье не хотелось идти на деревенскую *Xmas*-ярмарку и стоять в очереди, чтобы получить апельсин из рук кандидата от Либеральной партии, – отчасти потому, что он видел отрывок из маминой пьесы, а отчасти потому, что в нас еще были живы воспоминания о потрясающем вертепе в универмаге «Фенуик» в Лестере. На *Xmas* «Фенуик» превращался в сказку, витрины там оформляли распрекрасно, и повсюду звучала традиционная музыка. А пробираясь к *Xmas*-Деду, можно было понюхать одеколон и посмотреть на аккуратно сложенные шерстяные шарфы. Да и сам *Xmas*-Дед был настоящим, не то что кандидат от Либеральной партии, под

бородой которого скрывалось больное горло.

Поэтому в результате семейного обсуждения мы приняли решение отправиться в «Фенуик», пусть ради этого нам придется проехать тридцать миль, долго стоять в очереди и, возможно, вытерпеть различные спонтанные выходки мамы.

На что мы не рассчитывали, так это на то, что мама заедет на улицу, где мы раньше жили, и припаркуется прямо напротив ворот в форме арки нашего прежнего дома. Но именно так она и поступила. И мы увидели елку на привычном месте в великолепном эркерном окне.

Мама заглушила двигатель, и, понимая, что мы здесь задержимся на какое-то время, я позволила себе посмотреть на крышу, где *Xmas*-Дед, видимо, припарковал свои сани, прямо над моей комнатой – моей бывшей комнатой, – три года назад. И, хотя это и было очень глупо, я попыталась снова пережить этот момент. Когда я только услышала сани *Xmas*-Деда, я установила для себя правило не вспоминать об этом событии слишком часто, чтобы чувство не притупилось, но в тот вечер, глядя вверх, я поняла, что чувство слишком притупилось.

– Помните, как вы здесь жили? – спросила мама, выдыхая дым сквозь ноздри.

Впервые в жизни мне захотелось ответить саркастически, но вместо этого я сказала «да, а ты?», и она все равно решила, что это саркастический ответ, и осуждающе на меня посмотрела.

– Давайте же зайдём к миссис Вандербас, – сказала сестра.

– И Миллуордам, – добавила я.

Но маме не хватило духу. Она была недостаточно счастлива, и они бы увидели, что сейчас она куда менее счастлива. Что сейчас она уже не та женщина, какой была, когда мы жили здесь в окружении приятных людей. Городских жителей, которые и сами все не без греха и не так сильно придираются к другим.

И миссис Вандербас, будучи голландкой, сказала бы без страха и упрека: «Элиизабет, что же ты с собой сделала, ты такая худая, такая измученная, о боже, тебе нужно выбираться из этой ужасной деревни». И так далее, а симпатичные Миллуорды сказали бы: «Ты великолепно выглядишь, деревенский воздух явно пошел тебе на пользу», и это было бы еще хуже.

– А помните, как я услышала, что на крышу приземлился *Xmas*-Дед? – спросила я со смехом.

– О да, – ответила мама, – но это просто антенна упала и била по черепице.

– Ага, – сказала сестра.

– Я знаю, – сказала я, хотя я не знала.

Позже в «Фенуике» мама оставила нас стоять в очереди к *Xmas*-Деду, а сама отправилась за какими-то таинственными покупками, и когда мы уже приблизились к началу очереди, я поняла, что не смогу зайти в грот, и предоставила сестре и Джеку встретиться с *Xmas*-Дедом без меня.

Это был не настоящий *Xmas*-Дед – я ведь знала, что его не существует, знала уже некоторое время. И теперь я вдобавок узнала, что самого прекрасного, самого интересного события в моей жизни на самом деле не было, я просто придумала его и крепко за него держалась.

Я сидела на мухоморе у входа в грот и наслаждалась, представляя, как телевизионная антенна колошматится о крышу. Старое воспоминание обрело новое значение, и, решив, что у меня есть примерно пять минут, я пошла разглядывать перчатки.

Мы любили бродить по меже. За долгие годы под ногами, колесами телег и автомобилей фермеров образовалась целая паутина из узких тропок. Межа была достаточно широкой даже для трактора, идеально подходила для пони или гуляющих детей и тянулась вдоль чарующего туннеля, образованного деревьями и кустарниками, из которых стремительно выскакивали и бросались наутек разные существа. Нам нравилось играть в канавах, по которым текли ручейки, а поскольку сестра любила фермы и все связанное с фермами, мы заглядывали на скотный двор и в загончики для скота, где часто можно было увидеть детенышей.

Любила она, конечно, животных, и ее немного беспокоило, что фермеры, похоже, любили их не так сильно. Сестра заметила, что фермеры никогда не гладили теляток, а, наоборот, отпихивали их в сторону, будто они помеха, и если голодный поросенок тыкался розовым рыльцем, фермер не улыбался и не говорил «привет, малыш», а бил его по носу ведром. Сестра любила всех животных, и ее страстным желанием было увидеть семейство ежей, выстроившееся рядком, как рисуют на открытках; она составляла список всех млекопитающих, которых видела, как другие составляют списки увиденных птиц или поездов. Барсука она впервые встретила в четыре года и чуть не умерла от сча-

ства. Она частенько повторяла, что к фермерскому хозяйству можно допускать только тех, кто любит животных, люди же, к ним равнодушные, могут идти в полицейские или мясники и должны довольствоваться лишь одной собакой.

Я вступилась за безлюбных фермеров и объяснила, что фермерское хозяйство – это работа, потому фермер не может днями напролет гладить детенышей, упиваясь чувствами, иначе он ничего не успеет сделать и сорняки задушат пшеницу и т. д. Фермерское хозяйство все равно что родительство: можно поворковать минутку над чужим ребенком в колясочке или котенком, забравшимся в бокал для бренди, но когда впереди расстилается повседневная жизнь, то приходится заниматься делами, и если к тебе сунутся детки, то ты отпихнешь их и продолжишь заниматься делами.

Как-то ранней весной сестра предложила посетить ферму Тернера, где разводили и овец, и коров. Она прослышала, что там народились первые ягнятки. А кроме того, она желала выяснить, нельзя ли включить фермера Тернера в наш Список, ведь у фермера хватает преимуществ. Конечно, она надеялась, что он окажется фермером, любящим животных. Я сомневалась, поскольку уже видела его – угрюмый, толстый и в грязной майке. Но мы все же пустились в путь по меже с целью расследовать ситуацию, а по дороге нарвали вербы. Мама любила, когда ветки вербы стоят в коричневом кувшине в прихожей, напоминая о скорой весне.

У фермы Тернера мы перелезли через развалившиеся во-

рота и заметили на той стороне поля корову, которая странно себя вела. Подойдя ближе, мы увидели, что голова этой молодой коровы застряла в брошенном плуге, который ржавел у дальних ворот. Корова пыталась вытащить голову, отчаянно молотя ногами, но ничего у нее не получалось.

– Если бы только я могла чуть-чуть повернуть ее голову, – сказала сестра, – она бы вылезла.

И это походило на правду, потому что корова вовсе не так сильно застряла, как ей самой казалось, достаточно было немножко повернуться, и она бы освободилась.

– Помоги мне, – сказала сестра, – давай попробуем.

Мы молча стояли – наблюдали и размышляли. Я заметила под плугом сочную зеленую траву, до которой и пыталась добраться корова: изо рта у нее торчали травинки. Корова снова дернулась, увязла копытами в земле, замерла и застыла.

Сестра подошла к корове, но та заволновалась еще пуще, и мы решили пойти на ферму и позвать фермера. Он-то сначала успокоит корову, а потом высвободит.

Мы с сестрой побежали к дому Тернера через три поля, влетели во двор и замолотили в дверь. Мрачная женщина с лицом как картошка и с одной огромной, но неподвижной бровью выслушала нашу историю, криво улыбаясь, а потом отправила нас в амбар, где фермер обматывал что-то проволокой. Сквозь дощатые стены пробивались лучи солнца, и фермер, руки которого были обнажены, несмотря на холод-

ный день, выглядел довольно романтично. Сестра рассказала ему о молодой корове.

– Достаточно будет повернуть ее голову на тридцать градусов, – сказала сестра, которая хорошо разбиралась в математике, – и она будет в полном порядке. Это номер 81, – закричала сестра вслед фермеру, прыгнувшему в свой «ленд-ровер», – корова номер 81!

Она тоже заметила алюминиевую бляху на ухе у коровы, пока мы наблюдали за ней.

Автомобиль фермера Тернера, подпрыгивая на кочках, выбрался с грязного двора, мы бежали следом, довольные собой. В своей счастливой головушке я уже поставила фермера Тернера первым в Списке и улыбалась, представляя, с каким восторгом он заменит однобровую женщину с лицом-картошкой на нашу сексуальную маму с тонкими чертами лицами и прозрачными блузками. Я бежала за машиной, думая о новой жизни с достойным человеком у руля: ягнятки для сестры, поездки на тракторе для Джека и счастливая семья для меня, и для Дебби, и для коровы номер 81, которая станет совсем ручной и, возможно, даже моей личной коровой.

Задыхаясь, мы догнали фермера и, навалившись на ворота, замерли в ожидании умелой спасательной операции, после которой корова номер 81 с недовольным мычанием потрусилась бы прочь.

Повернувшись ко мне, сестра спросила:

– Человек у руля?

– Идеально подходит, – ответила я.

– Я думаю, мы можем написать ему... – начала сестра, – спросить его совета по поводу навоза...

Но она не успела закончить, как мы вздрогнули от оглушительного выстрела. Я даже глазными яблоками ощутила этот шум, что передался через металл ворот.

Корова медленно осела, зацепившись головой за ржавую железяку. Только после этого фермер повернул мертвую голову на необходимые тридцать градусов, и животное упало. Какое-то мгновение корова с ее большими зубами и вывернутой шеей походила на оленя со старинной картины. Фермер пнул ее прямо в морду, и из открытого рта коровы полилась прозрачная жидкость, ручейком заструилась по засохшей грязи, образовала лужицу у облюбованной нами вербы.

Мы молча побрели домой. Я попробовала разговорить сестру, сказала «какой ужас» или что-то в этом роде, но она ответила: «Ищи вербу, Лиззи».

Ближе к дому я наломала новую охалку веток и протянула сестре, чтобы она оценила, но она взяла ветки, посмотрела на них и бросила на землю, а потом быстро пошла вперед. Я не стала ее догонять, потому что смотреть на человека, который пытается не заплакать, чрезвычайно грустно. Я плелась позади и выискивала глазами очередную вербу.

Мама держала таблетки доктора Кауфмана в сумочке, ко-

торая лежала в вазе для фруктов. Она принимала предписанную дозу и вроде бы чувствовала себя спокойнее и лучше. Сестра сказала, что мы не должны делать никаких слишком позитивных выводов из ее спокойствия, потому что люди, которые принимают таблетки, часто ведут себя именно так, как им обещано, а мама определенно ожидала, что почувствует себя спокойнее.

– То есть, может быть, она просто притворяется? – спросила я.

– Типа того, – сказала сестра. И добавила: – Пока еще рано говорить.

В целом, по-моему, маме не то чтобы стало лучше, просто она ходила сонная – как цепной медведь, который потерял силу и не может больше кидаться на обидчиков. Периодически она начинала хихикать, когда кто-нибудь говорил «яички» или «пышечка», но всегда с небольшой задержкой, и быстро забывала, что ее так рассмешило, а мы уже всю хохотали, и она спрашивала: «А над чем мы смеемся?» – и мы замолкали. Но хохотать так приятно.

Мама продолжала писать пьесу, но уже не так активно и лишь после того, как почитает нам вслух «Хоббита», а это обычно затягивалось до бесконечности, и только когда она достигала нужной степени опьянения, где-то около 20:30. Нужная степень опьянения продолжалась недолго, а потом она напивалась так, что просто сидела и слушала музыку, очень тихую. Рахманинова – красивым ртом и темными гла-

зами он напоминал маме бывшего тестя в молодости – или Боба Дилана, который был вылитый персонаж из «Хоббита».

Маме не сделалось лучше, она стала слабее.

И по причине того, что мама пребывала в ослабленной беззаботности, а миссис Лант, прежде без передыху трудившаяся – она подметала полы, таскала тяжелые корзины и пополняла запасы плавленого сыра, – нас покинула, наш новый дом вскоре обратился в огромный беспорядок. Мы прекратили открывать до конца ставни – не хотели, чтобы кто-нибудь рассмотрел, что творится внутри.

Вместо того чтобы забить на ситуацию, как сделали бы все нормальные дети, мы с сестрой вычитали в потрепанной инструкции, как пользоваться стиральной машиной, – на наш взгляд, в том была насущная необходимость, ибо мы носили грязные вещи, которые выуживали из гор белья, громоздившихся, словно сокровища в пещере Али-Бабы. Но инструкция была к люксовой машине-полуавтомату с двумя баками, а наша стиральная машина была совсем не люксовой, и бак у нее имелся только один, поэтому пришлось действовать по наитию. Мы отыскивали базовую программу, когда машина несколько часов кряду булькала теплой водой, и придерживались ее.

Случались у нас и проколы – порой катастрофические. Дважды дверца стиральной машины не закрылась до конца, один раз застрял уголок полотенца, а другой раз мы ее просто забыли закрыть, и в постирочной случился потоп. Ху-

же этих потопов и представить ничего нельзя, ужас сколько вещей промокло и испортилось. Во время первого намокла ковровая дорожка в прихожей, которую двадцать одна девушка ткала двадцать один день и стоила она двадцать один реал, то есть каждая девушка заработала по одной драгоценной монете. Несколько дней мы сушили дорожку на веревке во дворе. Высохнуть-то она высохла, но обратилась в камень и с тех пор всегда пахла мокрой собакой. Мы чувствовали себя виноватыми перед девушками, которых было двадцать и одна, ведь плоды их тяжелого труда погибли.

Но второй потоп оказался еще страшнее – он погубил шкатулки из бальзового дерева, которые мамин отец много лет назад привез ей из Индии. А вскоре он умер, мама даже не успела с ним попрощаться. И это при том, что она поздороваться с ним толком не смогла, потому что, когда она родилась, он был на войне. Когда сестра спросила, умер ли он со спокойной душой, мама ответила: «Да, он с земли в полночный час ушел без боли».⁷

Это значило, что доктор усыпил его, как больную собаку, потому что так было милосерднее, а еще это была цитата из Китса.

Как бы то ни было, теплая мыльная вода второго потопа смыла с индийских шкатулок красивых, нарисованных вручную слонов, дам, птиц и так далее. Шкатулочки бока выгнулись и разбухли, а когда мы попытались взять шкатулки в

⁷ Джон Китс. «Ода соловью».

руки, скобы соскочили и в руках у нас остались перепачканные краской деревяшки.

И мы поступили ужасно. Мы сложили испорченные шкатулки в мешки для мусора и выставили их для мусорщика, а маме ничего не сказали. Понадеялись, что она не заметит их исчезновения. Ведь теперь, когда она принимает полезные таблетки доктора Кауфмана, она вряд ли когда-нибудь еще зайдет в постирочную. И я не думаю, что она когда-нибудь еще туда заходила. Только позже до меня дошло, как же это плохо. Не то, что мы устроили потоп и спрятали сломанные шкатулки, а то, что мама больше никогда о них не подумает, не вспомнит о них, не спросит себя, как они там. А ведь она их так любила.

В постирочной мы наконец-то осознали и последствия расставания с миссис Лант, и весь ужас стирки. Ужас не собирался кончаться, и каждая стирка была большим стрессом. Одежда часто выходила из стиральной машины испорченной – или каменной, или несуразно маленькой, или не того цвета, или спутанной, или перекрученной, как старые веревки и выброшенные тряпки, которые море выносит на берег.

Потом вещи надо было сушить. Вешать на веревку во дворе, где все могли их увидеть, или на двух проволоках, протянутых в постирочной. А как от них пахло, если мы их вовремя не вывешивали или на улице было сыро!

А еще вещи надо было гладить. Они выглядели кошмарно

помятыми, и эта помятость была прямой дорогой к депрессии. Тысячи маленьких морщинок, не одна-две глубокие и прямые проглаженные линии, но настоящий хаос складок, как будто своенравные микроскопические червячки кричали: «Никто о нас больше не заботится, возьмите нас на попечение государства!»

В один особенно помятый день я решила заняться глажкой. Потому что: а) мне нужно было избавиться от складок для наших вылазок в общество (школу); б) я с радостью вспоминала запах горячего белья, который каждый день разносился по дому, когда миссис Лант гладила, и подумала, что глажкой белья убью двух зайцев.

– Чем мне погладить? – спросила я маму.

– Кого собираешься гладить? – зевнула она в ответ.

– Одежду, где утюг? – спросила я.

– Ушел в самоволку, – ответила она.

Она часто говорила про какие-то вещи, что они ушли в самоволку, и я никогда до конца не понимала, что значит «самоволка». Я думала, это значит «проскользнул через ворота, которые оставили открытыми», потому что чаще всего в самоволку уходила наша лабрадорша. А когда Дебби уходила в самоволку, это значило, что она проскользнула через ворота, которые оставили открытыми.

В конце концов я нашла утюг в большом шкафу, до которого никому не было дела, кроме прислуги. Но поскольку прислуги у нас не было, шкаф стал моим делом и делом

сестры. В нем хранились утюг, и гладильная доска, и сода, и ведра, а также щетки и маленький гладильный каток, сложенные скатерти и другие подобные вещи.

Раскладывание гладильной доски оказалось целым удовольствием, и я поняла, почему миссис Лант гладила каждый день, даже трусы и кухонные полотенца, – чтобы узаконить пребывание доски в разложенном состоянии. Глажка была ужасна. Не так ужасна, как стирка или сушка, но все равно кошмарна. Во-первых, если утюг разогревался достаточно для того, чтобы хоть как-то повлиять на засилье складок, то он вскоре начинал липнуть к одежде. Я прожгла дыру на любимой ночнушке и оставила на футболке коричневый след в форме утюга. Я погладила кусочек собственного открытого живота, и дважды утюг упал на пол, причем один раз от него откололся кусочек.

Сестра пришла посмотреть и заметила, что от моей работы больше вреда, чем пользы. Я упомянула, что запах горячего белья вызывает ощущение благополучия, но, по мнению сестры, пахло так, будто кузнец сошел с ума и принялся прижигать животным копыта, и ничем приятным точно не пахнет.

Мы с сестрой на личном опыте узнали, что домашняя работа отвратительна, а в особенности отвратительны стирка и глажка, и ее тирании нет конца. Мы пошли к маме и спросили, как мы, по ее мнению, должны справляться теперь, когда она большую часть времени находится едва ли не в отклю-

ке.

Она объяснила, что по складу характера не приспособлена к работе по дому и стирке и так было всегда, даже до таблеток. И, услышав, что некоторые не приспособлены к домашней работе в силу склада характера, мы решили, что унаследовали от мамы эту черту, и немного успокоились. Конечно, теперь я вспоминаю об этом со стыдом, но так уж оно было.

И мы вдруг поняли, что миссис Лант явно приспособлена к домашней работе, увидели ее по-новому – умелой, сильной, необычной – и осознали, как же было глупо вот так покорно позволить ей бросить нас.

Мама нам посочувствовала, но сказала, что простого решения нет. Прислуга вроде миссис Лант в деревнях на земле не валяется, и, как и у скаутов, нужно встать в лист ожидания длиной с локоть, а ежели какая домработница вдруг освобождается, то нужно немедленно хватать ее, прежде чем на нее слетятся со всех сторон. Мама рассказала историю про старушку, в дверь которой стучали люди, надеясь, что она будет убирать у них в доме, даже когда она лежала на смертном одре.

Во всем приходе мы знали только одну женщину, которая выполняла подобную работу. Ее визитка была выставлена в газетном киоске. Эта женщина, Одрина, видимо, хорошо убирала, а также была медиумом – этот факт она рекламировала на той же визитке. Мы заговорили об Одрине с мамой, но она не захотела, чтобы медиум болталась в на-

шем доме и стирала наше белье. Мы толком не знали, кто такие медиумы, – сестра полагала, что это то же самое, что и проститутка, – но я считала, что медиумы как-то связаны с привидениями. У меня имелось серьезное подозрение, что я права, потому что мама вряд ли стала бы возражать против того, чтобы проститутка болталась в нашем доме и стирала наше белье.

В общем, мама сказала, что мы должны сплотиться, а если уж совсем край настанет, то мы поедем в «Три сестры» в Оудби и накупим себе новых трусов.

Тогда-то нам и следовало рассказать ей о погибших ковровой дорожке и индийских шкатулках, чтобы она поняла: край уже настал. Но мы этого не сделали, руководствуясь соображением: что толку принимать транквилизаторы, если дочери вечно обрушивают на тебя скорбные вести? Словом, мы предпочли не будить спящего зверя.

Вместо этого сестра написала миссис Лант.

Дорогая миссис Лант!

Как Вы правы: цены на бензин постыдно взлетели. Но мы здесь с трудом справляемся со стиркой и другими домашними делами. Нам бы чрезвычайно помогло, если бы Вы пересмотрели свое решение и снова начали нас посещать. Необязательно приходите каждый день, наверное, будет достаточно, если Вы два-три дня в неделю будете задерживаться до вечера.

Дело в том, миссис Лант, что я по складу характера не приспособлена к работе по дому (и,

как оказалось, девочки тоже), в то время как вы на 100 % к ней приспособлены. Кроме того, выполнять работу по дому, в первую очередь стирать, совершенно необходимо, поскольку грязного белья накопилась уже целая гора.

Прошу Вас позвонить Лиззи или мне, если Ваш ответ «да», в противном случае забудьте, что я Вам когда-либо писала.

Надеюсь, у Вас все хорошо.

Всегда Ваша,

Элизабет Vogel (миссис)

Миссис Лант не позвонила, и дом все глубже погружался в хаос.

И ни одна няня не хотела жить с нами в деревне. Даже несмотря на то, что мы предоставили бы няне собственную ванную, маленький телевизор, возможность ездить на «остине макси» и выбрать одного из как минимум двух пони. Агентство по няням отправило нам двух кандидаток на такси, но им обеим так не понравилась мысль, что для того, чтобы пойти в кино или купить новый лифчик, им придется долго-долго ехать в город на «остине макси» по извилистой дороге, что они даже не спросили маму о зарплате. И все с ними стало ясно.

После стольких лет, проведенных взаперти с желтоглазой Мойрой и ее предшественницами, мы, конечно, были рады свободно разгуливать там, где нам хотелось, и не делать того, чего требовала няня, – например, бесконечно играть в «Уга-

дай, кто» или пить «Несквик». Хотя нас и посещали подозрения, что няня могла бы внести полезный вклад в борьбу с грязным бельем.

Мы разгуливали по деревне, заглядывая в окна машин, дабы проверить, не оставил ли кто внутри собаку. Мы бросали в пруд недозрелые яблоки, карабкались на старые грушевые деревья, навещали свирепых с виду быков и искали нашу собаку Дебби, которая постоянно уносилась куда глаза глядят. Не то чтобы насовсем, просто тоже наслаждалась свободой, потому что никто не запирает ворота.

Мы с сестрой начали вдвоем ездить в Лондон на поезде, запасшись толикой денег, комиксами для меня и книгой для сестры. Руби Фергюсон или Джералда Даррелла.

В Лондон мы начали ездить потому, что хотя маме в целом от таблеток становилось хорошо, но она вскоре поняла, что их количества недостаточно, чтобы справиться с ее несчастьем и одиночеством. И она начала принимать чуть больше прописанной дозировки. А еще ей понадобились другие таблетки, которые вселили бы в нее немного энергии. Доктор Кауфман отказывался выписывать бóльшую дозу, как бы красноречиво и аргументированно мама его ни просила. По его словам, это было бы неправильно.

Зря сестра беспокоилась, что от таблеток маме станет слишком хорошо, – быстро выяснилось, что от них ей недостаточно хорошо. «Это как сироп из черной смородины, чересчур разбавленный водой, – объяснила нам мама. – Зачем тогда вообще в воду добавлять сироп?»

И мы прекрасно поняли, что она имеет в виду.

Чтобы получить побольше таблеток, маме пришлось кататься в Лондон к доктору, который закрывал глаза на такие тонкости. Некоторое время все шло хорошо, но скоро ей поездки надоели, а однажды на полпути домой случилось что-то нехорошее с ее автомобилем и ей пришлось позвонить

папиному шоферу Кену, и всю дорогу домой он презрительно смотрел на нее в зеркало заднего вида, а потом позвонил папа и обвинил ее в том, что она расстроила Кена и презрительно смотрела на него, и сказал, чтобы она больше не считывала на такие одолжения.

И после этого случая она поставила крест на своих поездках в Лондон и в панике думала, где же ей раздобыть достаточное количество таблеток. Неужто придется поджидать дилера в темноте у библиотеки или в каком другом ужасном месте.

Сестра спросила, почему бы маме не нанять Одрину, предлагающую услуги помощницы по хозяйству и медиума, и не попросить ее постоять у библиотеки после того, как она стирает белье, но мама воспротивилась такой идее. Она была твердо убеждена, что если уж нарушать закон, то самостоятельно, а других не втягивать.

Так что мы с сестрой заявили, что будем несказанно рады кататься в Лондон вместо нее. Я быстро поправилась, что мы «будем рады кататься», подумав, что «несказанно рады», пожалуй, означает, что мы не так чтобы рады. Мама была благодарна за предложение, но сказала, что мы еще слишком юны, чтобы одним ездить в Лондон за таблетками.

Поезд был сине-зеленого цвета с желтым носом. Я думала, что он будет с ревом врываться на станцию и со скрежетом тормозить у платформы, но ничего подобного. Он впол-

зал медленно-прямедленно, морда у него была как у грустного щенка, на окошках по бокам морды туда-сюда сновали «дворники». Поезд следовал из Шеффилда и останавливался лишь на миг, так что нам приходилось проворно запрыгивать в вагон. Мне все ужасно нравилось. Билеты, станция, запах, шум, таинственные незнакомцы, ритм раскачивающегося на ходу поезда и крошечный туалет. Мы покупали в вагоне-ресторане чай и поджаренный хлеб, и хотя, по правде говоря, мы бы предпочли, чтобы в чае было поменьше молока, всего и сразу не бывает, а потеющие в бумажной салфетке тосты были просто шедевром – прожарены до темной корочки и смазаны маслом до краев.

Ехать до Лондона было часа два, а приемная доктора Джилби располагалась на Девоншир-плейс, куда можно было быстро добраться на такси от вокзала Сент-Панкрас. Во время нашей первой поездки сестра решила сделать крюк и заехать в Лондонский зоопарк. Она планировала посещение зоопарка с самого начала, но заговорила со мной об этом только тогда, когда мы уже стояли в очереди на такси, что явилось для меня полной неожиданностью.

– Поедем в Лондонский зоопарк? – сказала она.

– Не думаю, у нас нет времени, – сказала я.

– Есть, нам нужно быть на Девоншир-плейс только через два с половиной часа.

Так она и сказала.

– Я что-то не уверена, – сказала я.

– Ну, я в зоопарк, – сказала она. – Встретимся на Девоншир-плейс.

И конечно, это все решило. Вы же не будете разгуливать по Лондону одна, когда вам всего десять лет и вы даже не знаете этого города.

Честно, я мало что запомнила после первого посещения зоопарка, кроме панды Чи-Чи. На информационном стенде было много чего о ней написано. Мы прочитали, что в поведении Чи-Чи выражены все симптомы хронического одиночества, и все же она поставила в тупик специалистов по размножению, отказавшись спариваться с единственным доступным партнером, Ан-Аном, которого привезли в ящике из далекого Московского зоопарка именно с этой целью.

И сестра сказала:

– Ну прямо как мама и мистер Ломакс.

И мы расхохотались.

В основном я запомнила, что сестре очень понравилось в зоопарке, особенно ее очаровал всевозможный молодняк, и она была готова бесконечно глазеть на детенышей.

Когда настало время ехать на Девоншир-плейс, она пожаловалась, что мы и половины не видели, и попросила подождать еще десять минут, которые превратились в двадцать, а потом, когда мы наконец двинулись к выходу, туда же двинулись и прочие люди, и на стоянке такси образовалась очень длинная очередь. Я предложила притвориться, что мне стало плохо и мне нужно в больницу, чтобы нас пропустили впе-

ред. Но сестра не так склонна к обману, как я. И мы попросили, чтобы нас пропустили вперед, объяснив, что нам нужно на Девоншир-плейс за таблетками для мамы. Но никому причина эта не показалась достаточно веской, чтобы пропустить нас без очереди, люди отводили глаза, притворяясь, будто увлечены беседой, но стоило нам отвернуться, как тут же принимались глазеть на нас. Мы топтались в хвосте очереди, чувствуя себя очень глупо.

Решив, что быстрее и не так стыдно дойти пешком, мы отправились вперед, заблудились и сильно опоздали. Когда мы наконец добрались до Девоншир-плейс, огромная сияющая дверь была заперта, и на ней даже не было обычной дверной ручки, только бутафорский молоточек посерединке. Сестра звонила в звонок, снова и снова. Я озиралась по сторонам.

Улица. Или, может быть, следует сказать – тупик, поскольку эта улица с рядом очень высоких зданий, расположенных вплотную друг к другу, никуда не выходила. Здания все были как близнецы: одинаковые оградки, выкрашенные в черный цвет; одинаковый комплект окошек, которые с каждым этажом становились все непригляднее и на самом последнем сводились к грязноватым щелям; одинаковые массивные черные парадные двери с одинаковыми бутафорскими молотками. Все дома были неотличимы друг от друга, кроме одного, в середине ряда, – облезлый, на окнах горшки с жухлой геранью, опавшие лепестки цепляются за струпья краски, коричневато-красные, они словно кровь на кремовой сте-

не, – словом, общее впечатление неухоженности.

Дом доктора Джилби, как и прочие дома, был безупречен. В ящиках на окнах радовали глаз цветы цвета лайма, окруженные свежей зеленью, иные растения вились, аккуратно оплетая карниз. Их явно тщательно выбирали, потому что то были красивые и приличные многолетники. Возможно, пластиковые.

Мне стало жалко выбивающийся из общего ряда дом с геранями. Остальные одинаково нарядные здания только подчеркивали его запущенность. Но я возблагодарила Бога, что это не дом доктора Джилби. Это было бы ужасно.

Сестра снова нажала на кнопку звонка и не убирала палец, пока из окна второго этажа не высунулась женщина с золотистыми волосами.

– Мы пришли к доктору Джилби, мы опоздали, мы заблудились, но теперь мы здесь, – закричала сестра.

– К сожалению, прием окончен, – закричала женщина.

– Но мы приехали на поезде из Лестера, и все ради таблеток для мамы, – закричала сестра.

– Сейчас доктор Джилби никого не принимает, вам придется назначить новый прием, – закричала женщина в ответ.

– Пожалуйста, попросите его просто бросить таблетки нам в окно. Без них мы не можем вернуться домой, маме очень плохо, она рассталась с папой, и все в деревне нас ненавидят, а деревенский доктор больше не выписывает маме таблеток, пожалуйста, пожалуйста.

Я заметила – судя по выражению лица женщины, – что мольбы на незнакомку не подействовали, и решила присоединиться.

– Пожалуйста, пожаааалуйста, это единственный доктор в Англии, который готов дать ей таблетки, – закричала я, задрала голову, и почему-то разрыдалась. Даже сестра была шокирована и посмотрела на меня так, как будто бы я допустила ужасный промах.

Но тут раздался какой-то звук, дверь открылась, и мы вошли в дом, навстречу нам по красивой лестнице спускалась женщина из окна. На ее голове не шевелился ни один золотистый волосок. Она провела нас в белую приемную и спросила, как нас зовут.

– Подождите здесь, девочки, – велела она и поинтересовалась: – Хотите апельсинового соку?

– Нет, спасибо, – сказала сестра.

– Да, пожалуйста, – сказала я одновременно с ней.

Золотоволосая женщина вернулась с одним большим стаканом апельсинового сока и пухлым бумажным пакетом. Сестра протянула наш конверт с деньгами и взяла пухлый пакет.

– Мы случайно пошли в зоопарк, – выпалила я.

– Случайно? – с улыбкой сказала женщина.

– Ну, мы пошли туда намеренно, но задержались случайно, – объяснила сестра.

– А у вас в Лестере нет зоопарка? – спросила женщина.

– У нас есть очень хороший зоопарк «Твайкросс», но он находится в другой части графства, – сказала я, – и мы туда не поедem.

– Кроме того, Лондонский зоопарк всемирно знаменит, – добавила сестра, которая всегда хорошо формулировала мысли.

– Да, правда, – согласилась женщина.

– Но в зоопарке «Твайкросс» живут шимпанзе, которые снимались в рекламе чая, – сказала я.

– Ах, так вот они откуда, – удивилась женщина.

– Да. Это настоящие шимпанзе, – гордо сообщила я.

И мы вышли на улицу с нашим пакетом, и поймали такси до вокзала Сент-Панкрас, и сели на пятичасовой поезд в Шеффилд с сотней других людей, которые почти все сошли раньше. Выходя из поезда в Лондоне, я оставила комиксы на сиденье, потому что по глупости решила, что обратно мы будем возвращаться на тех же местах. Но, сев в обратный поезд, я, к счастью, сразу поняла свою ошибку и не стала искать журнал, так что сестра не узнала о новом моем промахе.

В Кеттеринге сестра напомнила:

– Не рассказывай про зоопарк.

В сувенирном магазине я купила Крошке Джеку маленькую гигантскую панду на подставочке, там золотыми буквами было написано: «Из Лондонского зоопарка».

– А можно хотя бы Крошке Джеку рассказать? – спросила я.

– Боже, нет, он последний человек, которому можно об этом рассказывать, он раздует из этого целую историю, и его учительница расскажет маме, и мама разволнуется. Просто молчи.

Я была из тех людей (и до сих пор из них), которые если не поделятся впечатлениями, то как будто ничего и не происходило. Какой смысл посещать всемирно известный зоопарк, если даже нельзя рассказать, что ты там была? Если даже нельзя упомянуть, что панду Чи-Чи не пустили в США за то, что она панда-коммунистка. Что она оказалась в Лондоне и отказалась спариваться с единственным доступным партнером, несмотря на всю свою одинокость и центральное отопление в загончике. Потому что все, чего она хочет, – вернуться домой в Китай, есть там бамбук и спариваться с другими пандами-коммунистами.

В чем тогда смысл?

Мы с сестрой в этом отношении очень отличались (и отличаемся). Для нее главное – побывать в зоопарке и увидеть редких, экзотических и опасных животных, а после она положит воспоминание в коробочку вместе с другими интересными воспоминаниями.

А я даже не хочу, чтобы со мной происходило что-то интересное, если об этом нельзя рассказывать.

Мама ужасно обрадовалась, когда мы с сестрой позвонили из телефона-автомата на вокзале и сообщили, что вернулись

в Лестер. Мы отсутствовали дольше, чем она рассчитывала, и мама вбила себе в голову, что мы сбежали, как ее троюродная сестра Марго Фентон-Холл, которая в пятьдесят каком-то году в возрасте четырнадцати лет отправилась в Лондон, где с нее должны были снять мерку для изготовления пуантов, и не возвратилась, только прислала родителям записку: «Я не вернусь домой, не ищите меня».

Она даже не появилась в обувной мастерской, и родители увидели ее только годы спустя в мыльной опере, где она играла секретаршу в мотеле. Мамины тетя и дядя написали Марго – у которой теперь было новое имя – на адрес передачи, умоляя ее связаться с ними, но она так и не позвонила, и им пришлось мучиться и каждую неделю смотреть по телевизору ужасный сериал, в котором снималась их дочь. К тому же эта ерунда шла даже не по Би-би-си, что их особенно раздражало. Но не смотреть они не могли.

Мама сомневалась, что актриса, игравшая секретаршу, на самом деле ее троюродная сестра. А это куда грустнее, чем если бы так оно и обстояло. Я так думала.

Как бы то ни было, мама обрадовалась и нашему возвращению из Лондона, и тому, что нас не будут показывать по местному телевидению, потому что, по ее мнению, это неправильный карьерный выбор для нас обеих. Она рассчитывала, что сестра станет ветеринаром – если той удастся преодолеть свой страх перед научными опытами, – а я учительницей или писательницей. Кем станет Крошка Джек, она

понятия не имела, но чувствовала, что кем-то «необыкновенно важным». Она прямо так и сказала, но Джек, наверное, не поверил, что она и в самом деле так думает. Я не поверила.

Пока мы были в Лондоне – бродили по зоопарку, и плакали на Девоншир-плейс, и забирали таблетки, – Крошка Джек, согласно плану, должен был посетить папу, самостоятельно, и никому из нас этот план не нравился. И визит пошел не по плану.

Папа Джеку нравился, но в его новом доме с новой женой и ребенком мы всегда себя чувствовали как-то неловко. От такой неловкости и голова может разболеться, и эмоции начинают захлестывать.

Джек заявил, что он не понравился младенцу. А родители младенца обожали. Волосы у него были светлые, а глаза карие – видимо, необычное сочетание, потому что родители все время твердили, какой их младенец милый.

– Посмотрите, как прекрасно сочетаются его светлые волосы с карими глазами.

Вот так они говорили.

Конфликт Джека и младенца начался пару месяцев назад, когда мы с Джеком были у папы вдвоем. Нас пригласили на воскресный обед, и Джек сказал, что не хочет есть. Он возил еду по тарелке и целую вечность жевал какой-то кусочек, так что папа сказал, что Джек должен пользоваться приборами правильно.

Меня это взбесило. Я подумала, что если уж ты решил

бросить детей, отлично, но тогда у тебя нет права запрещать им сгребать еду вилкой, как европейцы, только потому, что ты держишь приборы по-другому.

Я так взбесилась, что даже заговорила об этом.

– Папа, – сказала я, – сейчас так принято. Если бы мы ели, как ты, протыкая каждую горошину вилкой, в школе бы на нас смотрели как на идиотов, все сгребают еду вилкой.

Папа слегка наклонил голову и сказал:

– Спасибо, что поделилась. – И рассказал историю о невероятном гении, которого не повысили в должности, потому что все знали, что он очень неряшливо ест. А после снова переключился на Крошку Джека: – Джек, надо есть горошек с морковью.

Тут-то и наметилась пропасть между малышом и Джеком, потому что не успел папа произнести эти слова, как малыш произнес «исё», и это означало, что он желает еще горошка и моркови. Прежде мы от младенца никаких слов не слышали, так что притвориться, будто не заметили, было невозможно.

И гордая папина жена положила в его мисочку еще размятого горошка и моркови. И, не отрывая взгляда от Джека, младенец все сожрал и снова потребовал «исё».

У меня за тем воскресным обедом случился личностный кризис. Я говорю «кризис», хотя это скорее были философские метания. Я спрашивала себя, как это наш симпатичный высокий папа вдруг стал мужем новой женщины и отцом целого нового отдельного младенца, который уже не только

умеет говорить «исё», но и обставил Крошку Джека по части овощей. Я сверлила взглядом белобрысого ребенка и спрашивала себя: «Как он будет нас воспринимать по мере взросления? Как братьев и сестер, которые приходят раз в месяц или два, едят запеченное мясо (нехотя), которых учат, как вести себя за столом, а они еще раздражаются из-за этого?» Младенец явно вырастет специалистом по застольным манерам и гармоничной личностью, а как может быть иначе, если у руля в его семье – наш респектабельный и щепетильный отец. Вот такие мысли метались в моей голове, и поднималась волна сочувствия к моему маленькому наполовину родному брату. Только представьте себе, его папа когда-то был отцом других детей, и каждые три месяца за воскресным обедом ему приходится видеть неуправляемых отщепенцев, которые едят похуже маргышек, это же просто ужас вопиющий, просто бесит. Мне стало его жалко, и я взмолилась, чтобы у нового человека у руля, когда нам удастся его заполучить, ничего подобного не было. Я упала духом при мысли, что к нам на обед явятся брошенные бывшие дочери или сын, позабывшие манеры, которым он их обучил в прошлой жизни. Что они будут разбрасывать крошки и чавкать за столом в нашей кухне, тогда как мы будем наслаждаться счастливой новой жизнью, поедая собственного приготовления ананасы в кляре или прочие любимые блюда человека у руля.

Ну ладно, вернемся к тому воскресному обеду. Выглядело

все так, будто младенец нарочно изводил Джека. Я не знаю, в каком возрасте младенцы обычно начинают себя так вести, но этот младенец как будто говорил «Я люблю овощи», и Джеку от этого делалось больно, потому что раньше он был единственным папиным сыном, а теперь его понизили до статуса «один из сыновей», и к тому же он любит пироги, а теперь этот новый ребенок, который и ходить-то не умеет, съедает за обедом уже поболее Джека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.